
Виолетта Весна
В академию после развода.
Его брат — мой напарник

Виолетта Весна

В академию после развода. Его брат — мой напарник

https://litres.ru/74720343
SelfPub; 2026

Аннотация

— Ты можешь остаться, Сабина. Помощницей Летиции.

Так муж предложил мне новую жизнь — работать под началом собственной любовницы. За двадцать серебряников в месяц.

После одиннадцати лет брака я выбрала развод. Вернула свою фамилию и поступила в магическую академию, которую когда-то бросила ради мужа. Мне тридцать три, впереди экзамены, выпускной проект и шанс наконец стать кем-то большим, чем удобная жена успешного дракона.

Но для испытаний моего изобретения нужен напарник.

И им становится Роан Крейн. Статный, опасно привлекательный дракон, бывший командир и... старший брат моего бывшего мужа.

Он не жалеет меня. Спорит, замечает ошибки и первым за долгие годы относится ко мне как к равной. А потом начинает смотреть так, что я забываю обо всех своих обещаниях больше не влюбляться.

Только у Роана есть тайна. И причина, по которой он выбрал именно меня.

Смогу ли я снова довериться мужчине, если на кону не только сердце, но и мое будущее?

Содержание

Глава 1. Мне предложили остаться 5
Глава 2. Право вернуться 61
Глава 3. В паре с Крейном 118
Конец ознакомительного фрагмента. 153

Виолетта Весна
В академию после развода. Его брат — мой напарник

Глава 1. Мне предложили остаться

— В мастерской ты можешь остаться, — сказал мой муж. — Я не собираюсь лишать тебя работы только потому, что мы разводимся.

Он произнес это так, словно сообщал о повышении жалованья.

Я стояла возле чертежного стола и держала в руках латунную скобу, которую с самого утра пыталась подогнать к новому креплению. На большом пальце белела полоска от напильника. Скоба была почти готова, оставалось снять лишнюю толщину у правого края, иначе при нагревании соединение начинало заедать.

Обычно Эдвин заметил бы такую мелочь.

Сегодня он заметил только то, что я молчу.

— Сабина, ты меня слышала?

— Слышала.

— И что скажешь?

Я положила скобу на стол.

— Какая именно работа?

Он чуть нахмурился. Похоже, вопрос показался ему неожиданным.

— Та, которой ты занимаешься сейчас. Сборка, проверка узлов, подготовка образцов. Конечно, обязанности придется немного пересмотреть.

На стене за его спиной висела новая схема мастерской.

Вчера ее там не было.

Я подошла ближе. На большом листе были аккуратно нарисованы отделения, подписаны должности и проведены линии подчинения. Эдвин любил подобные вещи. Когда мы только начинали работать вместе, он рисовал планы на обрывках бумаги и прикалывал их к шкафу булавками. Потом заказывал дорогие рамки, потому что мастерская стала известной, а известной мастерской полагалось выглядеть солидно.

Теперь в самой верхней рамке стояло его имя.

Ниже — два основных направления.

Стационарные защитные системы.

Перспективные разработки.

Рядом со вторым значилось: «Руководитель — Летиция Весс».

Под этим именем находились три небольших прямоугольника. В одном было написано «лабораторные испытания», в другом — «сборка опытных образцов», в третьем — «контроль качества».

В последнем я увидела свою фамилию.

Сабина Крейн. Помощник мастера.

— Я правильно понимаю, что теперь буду подчиняться Летиции?

— В вопросах перспективных разработок — да. Она отвечает за направление.

— А в остальных?

— Мне, разумеется.

Я посмотрела на него.

Одиннадцать лет назад, когда мы поженились, у нас был единственный стол, два стула и такой старый нагреватель, что он загорался только после хорошего удара по корпусу.

Эдвин тогда шутил, что у нашего предприятия два директора, но ни одного работника.

Мы спорили о каждой покупке. Вместе ночевали в мастерской перед первым большим заказом. Когда у него получилось создать устойчивый энергетический узел, я танцевала между ящиками с заготовками, хотя терпеть не могла танцевать.

Мне казалось, что я помню все это совершенно отчетливо.

И все-таки не могла назвать день, когда перестала быть одним из двух директоров.

— Ты уже обсудил новую схему с Летицией? — спросила я.

— Конечно.

— До того, как показал мне?

— Сабина, это обычный порядок. Сначала я согласовываю руководство, потом сообщаю сотрудникам.

Сотрудникам.

Я подняла глаза на схему еще раз.

— Хорошо. Тогда как сотрудник хочу знать, какое жалованье ты предлагаешь.

Эдвин отодвинул стул и сел.

Когда-то он обладал удивительной способностью сохранять спокойствие перед любой неприятностью. Покупатель грозил отказаться от заказа — Эдвин предлагал сесть и обсудить условия. Поставщик поднимал цены — он доставал расчеты. Кто-нибудь приносил неисправный накопитель — муж закатывал рукава и принимался за работу.

Я восхищалась этим качеством.

До тех пор, пока не обнаружила, что со мной он разговаривает точно так же, как с недовольным поставщиком.

— Я думал о двадцати серебряниках в месяц, — сказал он.

— И сколько часов?

— Обычный рабочий день.

— С какого до какого?

— С девяти до шести. При необходимости задержишься, как все.

— Сколько дней в неделю?

Эдвин вздохнул.

— Пять. Иногда шесть, если будет крупный заказ. Ты пре-

красно знаешь, как здесь все устроено.

Знала.

Последние два месяца я вела три заказа одновременно. Проверяла узлы до открытия мастерской, отвечала на письма поставщиков, исправляла расчеты, которые не сошлись после замены материалов. В некоторые дни мне не удавалось поесть до вечера.

Я вспомнила прошлую среду, когда задержалась здесь до полуночи. Эдвин тогда прислал записку, что ужинает с партнерами и домой вернется поздно.

Позднее выяснилось, с каким именно партнером.

— Двадцать серебряников, — повторила я.

— Для помощника это хорошая ставка.

— Для помощника, который будет выполнять мою нынешнюю работу?

— Сабина, не начинай.

— Я спрашиваю.

— Ты прекрасно понимаешь разницу между тем, что делала раньше как моя жена, и официальной должностью. Нельзя просто перевести все наши семейные договоренности в трудовой договор.

Он говорил убедительно. Настолько, что я на несколько секунд действительно задумалась, не требую ли лишнего.

Эта привычка раздражала меня больше всего.

Достаточно было Эдвину заговорить спокойным, уверенным голосом, и я начинала искать ошибку прежде всего в

собственных словах.

— Кто будет согласовывать окончательные испытания? — спросила я.

— Летиция.

— Она проводила испытания стационарных контуров?

— У нее отличная подготовка.

— Я не об этом.

— Ее дипломная работа была посвящена скоростным защитным системам. Она прекрасно понимает предмет.

— Скоростные системы для боевых магов. Мы делаем еще и стационарные экраны для складов, мостовых опор и мастерских. Это разные нагрузки.

— Поэтому ты и останешься. У тебя практический опыт.

Я посмотрела на схему.

Получалось удобно.

Летиция будет руководить, принимать решения и получать профессиональное признание. Я буду замечать ошибки, исправлять недостатки и готовить работу к выпуску.

Раньше все было почти так же.

Только теперь за это предлагали двадцать серебряников.

— А если я не соглашусь?

Эдвин сложил руки на столе.

— Тогда придется искать другую работу.

В его голосе не было угрозы.

Он произнес очевидную вещь, как человек, которому неприятно объяснять взрослой женщине устройство мира.

И от этого стало хуже.

Я отвела взгляд к открытому шкафу с инструментами. На нижней полке лежал деревянный футляр с набором тонких напильников. Я подарила его Эдвину на третью годовщину свадьбы.

Тогда он целый вечер хвастался перед друзьями, что жена понимает его лучше любого другого человека.

Футляр давно стал общим. Большую часть времени им пользовалась я.

— Когда ты собирался рассказать мне о новой схеме? — спросила я.

— Я рассказываю сейчас.

— Ты уже назначил Летицию. Напечатал должности. Даже мое имя вписал, не спросив.

— Я хотел облегчить тебе переход.

— Из жены в помощницы?

Он наконец поморщился.

— Не надо придавать этому унизительный смысл. Я предлагаю нормальные условия. Сохранишь привычное место, привычных людей. Тебе не придется в тридцать три года искать работу с нуля.

Я почувствовала, как от этих слов у меня неприятно похолодели пальцы.

Тридцать три.

Эдвин произнес мой возраст так, будто речь шла о семидесяти трех годах и последней возможности прокормить се-

бя.

— Спасибо за заботу, — сказала я.

Он не заметил, как это прозвучало.

— Вот и хорошо. Я надеялся, что мы сможем обсудить все разумно.

Он достал из ящика плотный конверт.

— Теперь о разводе.

Я знала, что этот разговор состоится.

В конце августа Эдвин наконец перестал отрицать связь с Летицией. До того были поздние возвращения, неубедительные объяснения, слишком много внезапных совместных поездок и взглядов, которые я сначала принимала за профессиональный интерес.

Когда я прямо спросила о любовнице, он не стал кричать или уверять меня, что я все придумала.

Сказал только:

«Да, у нас отношения».

И добавил, что давно собирался поговорить.

Разговор действительно состоялся. Только тогда мы обсуждали, как заканчивать брак, а не сколько будет стоить моя работа после него.

— Я подготовил соглашение, — сказал Эдвин. — Оно учитывает твой вклад в семейные дела.

Он положил передо мной несколько листов.

Я взяла их и начала читать.

Мастерская оставалась ему. Это было ожидаемо: он осно-

вал ее до свадьбы, и юридически предприятие принадлежало ему.

Дом над мастерской тоже был его. Я это знала.

Общие денежные средства делились по соглашению. Мне полагались триста серебряников.

Компенсация за завершение участия в текущих заказах входила в ту же сумму.

Я перечитала этот пункт дважды.

— Ты называешь это учетом моего вклада?

— Триста серебряников — значительные деньги.

— Я не спорю, что это деньги.

— Тогда в чем дело?

Я хотела ответить сразу, но не смогла.

Потому что не знала, какую сумму следовало назвать.

Пятнадцать серебряников в месяц? Тридцать? Половину дохода от заказов, над которыми мы работали вместе?

Я столько лет считала эти деньги нашими, что ни разу не пыталась подсчитать стоимость собственного труда.

Эдвин наблюдал за мной поверх сложенных рук.

— Ты можешь спокойно пожить на эти средства, — сказал он. — А если останешься работать, появится постоянный доход. Я не собираюсь бросать тебя на произвол судьбы.

— Как благородно.

— Пожалуйста, не надо.

Я снова опустила глаза в соглашение.

В самом конце находился раздел о профессиональных

обязательствах.

Я прочитала его один раз. Затем еще.

— Что означает «согласование деятельности, связанной с прежними направлениями предприятия»?

— Обычное условие.

— Я спрашиваю, что оно означает.

Эдвин потянулся к бумаге, но я удержала лист.

— Если ты решишь работать с защитными системами, мы должны убедиться, что не используются разработки мастерской, — объяснил он.

— Для этого существуют правила о производственных секретах.

— И наше соглашение.

— Здесь написано не только о секретах. Здесь говорится о согласовании деятельности вообще.

— Это формулировка специалиста.

— Твоего специалиста.

— Разумеется. Кто-то должен был подготовить документы.

Я положила лист на стол.

— Я покажу соглашение независимому советнику.

На этот раз Эдвин удивился по-настоящему.

— Зачем?

— Чтобы понять, что подписываю.

— Сабина, мы не судимся. Я предлагаю тебе нормальный развод без скандала.

— Я тоже хочу развод без скандала.

— Тогда не вижу смысла усложнять.

Я аккуратно сложила листы и убрала их в конверт.

— Верну тебе ответ после проверки.

Эдвин провел ладонью по волосам.

У него уже появились первые серебряные нити у висков. Раньше я любила замечать их по утрам. Иногда специально задерживала руку, когда поправляла ему воротник.

В последние недели он начал избегать моих прикосновений.

— Ты же понимаешь, что я не хочу тебе зла? — спросил он.

Я посмотрела на него.

Возможно, он действительно так считал.

И именно поэтому мне было нечего ответить.

— Мне нужно выйти, — сказала я.

— Мы еще не обсудили график.

— Завтра.

— Сабина...

— Завтра, Эдвин.

Я забрала конверт и вышла из кабинета.

В основном зале работали три человека.

Младший мастер возился с креплениями, двое сборщиков проверяли стационарный контур. В воздухе пахло нагретой медью, пылью и специальным маслом, которым обрабатывали подвижные соединения.

Я знала каждый запах этого места.

У крайнего верстака лежал мой незаконченный узел.

Один из сборщиков поднял голову.

— Госпожа Крейн, вы успели проверить правую опору? Нам после обеда нужно запускать пробный цикл.

— Пока нет.

— Тогда мы подождем?

Я открыла рот, собираясь сказать, где лежит образец и что именно следует изменить.

Потом вспомнила, что только что произошло.

— На сегодня опору придется передать другому мастеру.

Мужчина удивился.

— Что-то случилось?

— Изменился порядок работы.

Он перевел взгляд на кабинет Эдвина, но ничего не спросил.

Я почти дошла до выхода, когда услышала за спиной шаги.

— Сабина.

Это была Летиция.

В темно-синем платье с узкими рукавами и с волосами, аккуратно собранными на затылке, она выглядела безукоризненно. На воротнике блестел значок академии. Летиция всегда носила его на работу, хотя Эдвин не требовал от сотрудников никаких знаков отличия.

В руках она держала папку с чертежами.

— Мне сказали, что вы занимались креплением новой

секции, — произнесла она. — Хотела уточнить, готовы ли результаты.

Я посмотрела на папку.

В углу одного из листов виднелись знакомые обозначения. Я сама вчера исправляла таблицу нагрузок.

— Не готовы, — ответила я.

— А когда можно будет посмотреть?

— Уточни у Эдвина. Он распределяет работу.

Она слегка приподняла брови.

— Хорошо.

Я уже собиралась уйти, но Летиция добавила:

— Вы же не против, если я потом задам несколько вопросов? Мне важно разобраться в практической части.

Несколько недель назад я с удовольствием объяснила бы ей все.

Летиция была способной. Она быстро понимала сложные вещи, внимательно слушала и, в отличие от некоторых молодых мастеров, не пыталась притворяться, будто знает то, чего не знает.

В другой жизни мне бы понравилось с ней работать.

— Если останусь в мастерской, обсудим, — сказала я.

— А вы собираетесь уйти?

Она спросила без притворного удивления.

И я поняла, что Эдвин уже говорил с ней о моем возможном уходе.

Конечно, говорил.

Надо же было подготовить новую схему.

— Я пока не решила.

Летиция кивнула.

— Надеюсь, все устроится.

— Я тоже.

Она отошла к рабочему столу.

Я вышла на улицу.

Снаружи было шумно. Мимо проехала повозка с ящиками, на другой стороне дороги торговец спорил с покупателем из-за веса мешков. На вывеске соседней мастерской ветер раскачивал латунную птицу.

Белмар продолжал жить, совершенно не интересуясь тем, что мой муж собирался жениться на другой женщине, а мне предложил остаться у него на жалованье.

Я повернула за угол.

Дошла до небольшого сквера, где стояла скамья с облупившейся краской, и села.

Только там обнаружила, что все еще держу конверт обеими руками.

Большие пальцы побелели.

Я положила бумаги рядом, разжала пальцы и попыталась медленно вдохнуть.

Не получилось.

Пришлось расстегнуть верхнюю пуговицу платья.

Мимо прошла женщина с двумя корзинами. Одна оказалась тяжелее другой, и женщина остановилась, чтобы пе-

рехватить ручки. Я машинально собралась помочь, но она справилась сама.

Тогда я снова села.

Мне хотелось плакать.

Еще сильнее хотелось вернуться в мастерскую, закончить правую опору, проверить крепление и доказать всем, что я способна вести себя нормально.

Эта мысль была настолько привычной, что я почти поднялась.

Пробный цикл назначили на четвертый час. Если соединение заклинит, сборщикам придется разбирать весь узел. Эдвин рассердится. Заказчик будет недоволен.

Я знала, какую толщину надо снять с правого края.

Знала, где лежал напильник.

Помнила даже, что новый сборщик слишком сильно затягивал верхние винты и его нужно предупредить.

А вот где я буду жить после развода, понятия не имела.

И почему-то до сегодняшнего разговора именно этот вопрос казался мне второстепенным.

Я просидела на скамье почти час.

Потом купила в булочной у сквера маленький пирог с яблоками. Есть не хотелось, но с утра у меня был только кофе.

Пирог оказался холодным. Я съела половину, завернула остаток и понесла домой.

Домом я по привычке называла комнаты над мастерской.

Когда-то мы поднимались туда по вечерам, счастливые и

пропахшие маслом. Эдвин засыпал прямо в кресле, а я будила его, чтобы перебраться в постель.

В первые годы мы часто ужинали на полу: приличный стол купили только после большого заказа.

У нас даже сохранилась царапина на доске возле окна, где Эдвин однажды неудачно закрепил праздничный светильник.

Я всегда считала, что эта царапина делает комнаты нашими.

Теперь оказалось, что для этого недостаточно одиннадцати лет.

***

Эдвин вернулся поздно.

Я сидела на кухне с раскрытой тетрадью расходов.

На столе лежали старые счета, список личных вещей и конверт с соглашением.

Я пыталась подсчитать, сколько денег понадобится на первое время.

Простая комната в Белмаре стоила недорого, если жить далеко от центра. Более удобная обошлась бы заметно дороже. Еще еда, одежда, непредвиденные расходы.

Чем дольше я считала, тем яснее понимала, как давно не покупала ничего только для себя.

Наши деньги всегда уходили на предприятие, дом и общие нужды.

Зимой я хотела новое пальто, но мы заказали дорогую из-

мерительную установку. Весной собиралась съездить к морю, однако пришлось заканчивать срочный заказ.

Я не считала эти решения жертвами.

Мы ведь собирались жить вместе еще много лет.

— Ты не спишь? — спросил Эдвин с порога.

— Как видишь.

Он снял перчатки, положил их на шкафчик.

— Я думал, ты останешься у себя в мастерской.

— У себя?

Эдвин посмотрел на меня, потом на тетрадь.

— Не придирайся к словам.

Он налил себе воды.

Я заметила, что на нем другая рубашка.

Утром была светло-серая. Сейчас — темная.

Раньше я непременно спросила бы, почему он переоделся. Возможно, он объяснил бы, что пролил на рубашку кофе.

Теперь мне совершенно не хотелось слушать объяснения.

— Ты согласилась с условиями? — спросил он.

— Завтра иду к советнику.

— Я надеялся, что к вечеру ты успокоишься.

— Я спокойна.

— Тогда зачем посторонний человек?

Я закрыла тетрадь.

— Эдвин, ты собираешься развестись со мной, оставить себе мастерскую и предложить работу под руководством своей любовницы. Я имею право хотя бы прочитать документы

вместе с человеком, который понимает закон лучше меня.

Он поставил стакан.

— Не надо смешивать личное и профессиональное.

Я невольно рассмеялась.

Смех получился короткий и совершенно невеселый.

— Ты серьезно?

— Абсолютно. Летиция получает должность потому, что у нее подходящее образование.

— А отношения с тобой здесь ни при чем?

Он помолчал.

— Я не утверждаю, что обстоятельства идеальны. Но она действительно талантлива. И мы оба понимаем, что наш брак давно перестал быть прежним.

— Насколько давно?

Эдвин отвел взгляд.

Это было неожиданно.

За последние недели я успела услышать достаточно неприятного, чтобы вопрос не имел особого смысла. Но почему-то сейчас мне захотелось точного ответа.

— Я уже сказал тебе, когда начались наши отношения.

— В июне.

— Да.

— А когда ты решил, что наш брак закончился?

Он посмотрел на меня с усталостью.

— Сабина, не заставляй меня перечислять наши проблемы.

— Я прошу назвать время.

— Не знаю. Возможно, гораздо раньше.

Мне хотелось возразить.

Напомнить весенний праздник, когда он подарил мне серьги с маленькими зелеными камнями. Нашу поездку в пригород, где мы гуляли по рынку и спорили о том, какой сыр лучше. Ночь после сдачи большого заказа, когда он сказал, что без меня ничего бы не получилось.

Я помнила это.

Но теперь не знала, что помнил он.

— Если все закончилось гораздо раньше, почему ты ничего мне не сказал? — спросила я.

— Я пытался.

— Когда?

Он промолчал.

— Эдвин?

— Я говорил, что нам нужно что-то менять. Что ты слишком много времени проводишь в мастерской. Что мы почти перестали куда-нибудь ходить.

Я смотрела на него, пытаясь понять, не шутит ли он.

— Ты сейчас упрекаешь меня в том, что я много работала?

— Я не упрекаю. Объясняю.

— Мы вместе решали, какие заказы принимать. Ты говорил, что нужен еще один год, чтобы расширить производство. Потом еще один.

— Ты тоже хотела развития.

— Хотела. Но если тебя не устраивала наша жизнь, можно было сказать об этом прямо.

Он потер переносицу.

— Я не хочу снова ссориться.

— Я тоже.

— Тогда давай закончим спокойно.

Я посмотрела на серьги, оставленные возле сахарницы. Те самые, весенние.

На кухне вдруг стало невыносимо тесно.

— Я собираюсь съехать, — сказала я.

Эдвин удивился.

— Сегодня?

— В ближайшие дни.

— Можешь не торопиться. Я ведь не выставляю тебя за дверь.

Он говорил так искренне, что я почти поверила, будто это настоящая забота.

— Спасибо, — ответила я. — Но я хочу найти отдельную комнату.

— Как знаешь. Только не принимай поспешных решений о работе.

Я поднялась.

— Доброй ночи, Эдвин.

— Сабина.

Я остановилась у двери.

— Я действительно надеялся, что ты останешься. Ты всегда хорошо справлялась с практической частью.

Когда-то эти слова обрадовали бы меня.

Сегодня я только кивнула.

В спальне я долго стояла перед шкафом, не решаясь его открыть.

Потом переоделась и легла, оставив незажженной лампу.

Эдвин пришел гораздо позднее. Я слышала, как он прошел по коридору, остановился возле двери, а затем направился в гостевую комнату.

Раньше, если мы ссорились, мне не удавалось уснуть, пока мы не помиримся.

В эту ночь я уснула сразу.

И проснулась еще до рассвета.

***

На следующий день я пришла в контору независимого городского советника.

Там было тесно и пахло сухой бумагой. За столом сидела женщина лет пятидесяти с коротко подстриженными волосами. На ее пальцах виднелись чернильные пятна.

Она представилась госпожой Вельс, выслушала меня и попросила соглашение.

— Вы хотите оспорить имущественный раздел? — спросила она.

— Я пока хочу понять, что подписываю.

— Разумно.

Она прочитала первый лист, затем второй.

Я наблюдала за ее лицом. Оно оставалось совершенно спокойным.

— Мастерская принадлежала вашему мужу до брака?

— Да.

— А дом?

— Тоже.

— Общих детей нет?

— Нет.

— Условия денежного раздела вас устраивают?

Я помедлила.

— Триста серебряников кажутся небольшой суммой за одиннадцать лет работы. Но я понимаю, что многие изделия и оборудование принадлежат предприятию. Мы не вели отдельный учет моего труда.

Советник отложила лист.

— Здесь указана компенсация за завершение участия в текущих делах. Вы получали отдельное жалованье?

— Нет. Мы пользовались общими средствами.

— У вас есть документы, подтверждающие конкретные вложения или отдельные имущественные права?

Я задумалась.

Счета на материалы были оформлены на мастерскую. Помещение принадлежало Эдвину. Заказы заключались от имени предприятия.

У меня были рабочие записи, письма, собственные расче-

ты, но превращать все это в долгий спор я сейчас не хотела.

— Некоторые документы сохранились, — сказала я. — Но я не собираюсь добиваться половины его мастерской. Хочу уйти и работать самостоятельно.

Госпожа Вельс кивнула.

— Тогда давайте посмотрим, что именно может этому помешать.

Она добралась до последнего раздела и остановилась.

— Вот это я бы вам подписывать не советовала.

— Согласование будущей работы?

— Именно.

Она подвинула лист ближе.

— По этой формулировке бывший супруг фактически получает возможность требовать от вас объяснений всякий раз, когда вы принимаете заказ в смежной области. Даже если не используете ничего из прежних разработок.

— Он сказал, что это обычное условие.

— Ограничение на использование закрытых материалов — обычное. А вот право согласовывать вашу профессиональную деятельность после развода не является необходимым следствием такого ограничения.

— Значит, он сможет запретить мне работу?

— Не спешите. Само наличие фразы еще не означает, что любое требование вашего мужа признают законным. Но зачем добровольно подписывать положение, из-за которого потом придется спорить?

Она взяла чистый лист и начала писать.

— Лучше установить понятные обязанности. Вы не выносите производственные секреты, закрытые чертежи, не присваиваете имущество предприятия. Он не вмешивается в вашу будущую самостоятельную деятельность, если она не нарушает чужих прав.

— Это можно оформить без отдельного суда?

— Если обе стороны согласны. У вас взаимный развод, нет спора о детях и основные имущественные условия уже определены.

Я с облегчением выдохнула.

Потом вспомнила кое-что еще.

— А мои учебные тетради?

— Что в них?

— Записи из академии. Старые расчеты. Есть и отдельные личные заметки.

— Когда они сделаны?

— Большинство до свадьбы. Остальные нужно просмотреть.

— Учебные документы и личные вещи можете перечислить отдельно. Если в записях есть материалы мастерской, понадобится разделить их. Но ваше прежнее образование и профессиональные знания не становятся собственностью мужа после свадьбы.

Я помолчала.

Последние слова прозвучали настолько очевидно, что мне

стало стыдно.

Не за то, что я их не знала.

За то, как сильно мне хотелось их услышать.

Госпожа Вельс заметила мою растерянность, но не стала утешать.

— У вас есть планы на дальнейшую работу? — спросила она.

— Пока нет.

— Тогда тем более не оставляйте неопределенных ограничений.

Она передала мне лист с исправлениями, объяснила, какие пункты нужно заменить, и назвала стоимость консультации.

Я расплатилась из небольших личных денег, которые оставались у меня в кошельке.

У двери остановилась.

— Скажите, если я приму эти триста серебряников, получается, что я согласилась со всем, что происходило раньше?

Госпожа Вельс внимательно посмотрела на меня.

— Вы согласитесь с теми имущественными условиями, которые прямо перечислены в окончательном документе. Это не делает вашу семейную жизнь хорошей или плохой задним числом. И не означает, что вы никогда не сможете подтвердить свое авторство, если у вас есть на это законные основания. Только не подписывайте отказов, которых не понимаете.

Я поблагодарила ее и вышла.

На улице моросил мелкий дождь.

Я спрятала бумаги под плащ и несколько минут стояла возле входа, пока поток людей обходил меня с обеих сторон.

Впервые за эти дни у меня появилось ощущение, что хотя бы одну вещь я могу решить самостоятельно.

Не целую жизнь.

Всего лишь одну формулировку в соглашении.

Но, как оказалось, этого вполне хватило, чтобы перестать чувствовать себя совершенно беспомощной.

***

Эдвин согласился на исправления не сразу.

Я застала его в кабинете после полудня. На столе стояла чашка с остывшим кофе, а рядом лежали счета за новые накопители.

— Ты обратилась к юристу? — спросил он.

— К независимому советнику.

Он быстро просмотрел исправления.

— Здесь убрали положение о согласовании.

— Да.

— А если ты откроешь собственное дело и начнешь использовать наши решения?

— Тогда у тебя будут обычные способы защищать права предприятия.

— Придется доказывать нарушение.

— Если оно будет, да.

Он снял очки.

— Сабина, я пытаюсь избежать неприятностей.

— Я тоже.

— Ты ведь понимаешь, что за годы работы получила доступ к вещам, которых не знают посторонние?

— Конечно. Именно поэтому я согласна письменно подтвердить, что не буду использовать закрытые чертежи и материалы.

— Тогда зачем спорить?

Я осторожно взяла со стола исправленный лист.

— Потому что это не одно и то же. Я не обещаю спрашивать у тебя разрешения на каждый будущий заказ.

Эдвин посмотрел на меня долгим взглядом.

Потом вернул очки на место.

— Хорошо. Я попрошу переделать соглашение.

Я не сразу поняла, что он согласился.

— Хорошо, — повторила я.

— Не стоит смотреть так удивленно. Я могу идти навстречу, когда со мной разговаривают разумно.

Я едва удержалась от ответа.

Впрочем, теперь он сам напомнил мне о другом вопросе.

— Работу в мастерской я не принимаю.

Эдвин откинулся на спинку кресла.

— Ты еще не знаешь, где будешь жить, но уже отказываешься от постоянного жалованья?

— Да.

— Ты ведь никогда не работала вне нашего предприятия после свадьбы.

— Знаю.

— И диплома у тебя нет.

Эти слова он произнес без раздражения. Даже с некоторым сожалением.

Будто огорчался моей непрактичности.

— Я найду работу, когда разберусь, чего хочу, — ответила я.

— Это может оказаться сложнее, чем тебе кажется.

— Возможно.

— Тогда мое предложение останется открытым. По крайней мере какое-то время.

Я кивнула.

Больше нам было нечего обсуждать.

Перед уходом Эдвин спросил:

— Ты поедешь вечером к родным?

— Нет.

— Где собираешься остановиться?

— Найду комнату.

— Я не запрещаю тебе оставаться здесь до конца месяца.

— Я понимаю.

Он покачал головой.

— Ты стала очень упрямой.

Я уже дошла до двери, когда вдруг вспомнила, что еще недавно он называл это качество настойчивостью и считал

моим главным достоинством.

Вероятно, разница заключалась в том, кому именно оно теперь доставляло неудобства.

***

В шкафу возле спальни обнаружилось гораздо больше вещей, чем я ожидала.

Платья, книги, письма, несколько коробок с праздничными украшениями, дорожный чемодан с неисправной застежкой.

Я начала складывать одежду и быстро поняла, что одного чемодана не хватит.

Тогда принесла из кладовой два деревянных ящика.

Первый заполнился книгами. Во второй я поставила шкатулку, пару чашек, небольшую лампу и сверток с личными документами.

На нижней полке шкафа, за зимними сапогами, лежал плоский кожаный футляр.

Я вытащила его не сразу.

Крышка покрылась пылью, одна металлическая застежка потемнела. Внутри находились две толстые тетради, пачка листов и свидетельство об окончании учебных курсов.

Я села прямо на пол.

На первой тетради неровным почерком было написано:

«Сабина Оррел. Прикладная защита. Третий курс».

Я провела пальцем по фамилии.

Оррел.

Я так давно ее не писала.

Открыла тетрадь.

На первой странице находился чертеж защитной рамки. Маленькой, неуклюжей, с излишне сложным креплением. Рядом стояли замечания преподавателя.

«Решение работоспособно, но пользоваться неудобно. Учесть положение рук оператора».

Я усмехнулась.

Прошло одиннадцать лет, а я до сих пор помнила, как обиделась на это замечание.

Тогда мне казалось, что самое важное — заставить устройство работать. Преподаватель заставил меня три раза переделывать рукоять, пока я не поняла, что хорошая конструкция должна быть удобной не только для того, кто ее придумал.

Я перелистнула несколько страниц.

Там были задачи, ошибки, расчеты, рисунки. Некоторые я уже не смогла бы решить без подготовки. Другие показались удивительно простыми.

Между листами лежала засушенная веточка вереска.

Я совершенно забыла, откуда она взялась.

Наверное, мы с однокурсницами ездили на полигон, а я засунула ее в тетрадь вместо закладки.

Тогда у меня оставался всего один год учебы.

Последний курс.

Эдвин просил переехать к нему, чтобы мы могли поже-

ниться и жить вместе. Говорил, что мне нет смысла тратить еще год, если я уже умею гораздо больше многих дипломированных мастеров.

Я верила ему.

И любила.

Так сильно, что сама предложила отложить учебу.

Не он запер меня дома. Не уничтожил документы. Не запретил возвращаться.

Просто с каждым новым годом у нас появлялись более срочные дела.

А я соглашалась.

Когда-то это казалось естественным.

Теперь я сидела на полу перед открытым шкафом и держала свидетельство в руках.

На плотной бумаге стояла печать Академии прикладной магии Белмара.

Успешно завершенные дисциплины были перечислены на обороте. Последняя строка оставалась незаполненной.

Я вспомнила объявление, которое видела в начале лета возле городской библиотеки.

«Программа завершения образования для взрослых специалистов».

Тогда я задержалась у него всего на несколько секунд. В объявлении говорилось о восстановлении прежних учебных результатов, практической проверке и осеннем наборе.

Я даже подумала, что было бы интересно узнать условия.

Потом вспомнила о срочном заказе, запоздавших поставках и том, что Эдвин собирался пригласить важных покупателей на ужин.

К вечеру объявление совершенно вылетело у меня из головы.

А теперь я осторожно положила свидетельство поверх тетрадей.

На обороте сохранился мой прежний учебный номер.

Если программа еще действовала, документы могли понадобиться.

Я встала, отряхнула юбку и посмотрела в окно.

До академии было около получаса пешком.

Канцелярия закрывалась ближе к вечеру.

Я еще успевала.

***

У ворот академии я остановилась.

Одиннадцать лет назад я выходила отсюда с большим сундуком и неимоверно важным чувством, что впереди меня ждет настоящая жизнь.

В тот день Эдвин приехал на повозке. Привез цветы и дорогие пирожные. Пообещал, что через год мы обязательно вернемся за моим дипломом.

Я отчетливо помнила, как смеялась, потому что он поставил цветы в сундук, а пирожные забыл на воротах общежития.

Не помнила только, когда мы перестали обсуждать воз-

вращение.

Теперь за каменной оградой возвышались знакомые башни учебных корпусов. Между ними успели построить новое застекленное крыло. На главной дорожке заменили покрытие, а вместо старого фонтана появился небольшой сад.

Возле ворот стояли несколько студентов.

Один парень держал огромный сверток с чертежными листами и безуспешно пытался застегнуть сумку. Девушка рядом смеялась, советуя сначала вынуть из нее половину инструментов.

Я узнала собственную молодость в их суете.

Это оказалось неприятнее, чем я ожидала.

Мне захотелось развернуться.

Не потому, что я считала себя слишком старой.

Просто эти люди выглядели так, будто у них впереди было бесконечно много попыток. А я слишком хорошо знала, сколько решений невозможно отменить.

Я заставила себя пройти через ворота.

В приемной первого корпуса сидел молодой служащий с круглым лицом и удивительно серьезным выражением.

— Добрый день. Что вас интересует?

Я положила перед ним свидетельство.

— Хотела узнать о программе завершения обучения для взрослых специалистов. Прием еще идет?

Он посмотрел на документ.

— Осенний набор. Одну минуту.

Служащий достал толстую папку, полистал страницы.

Я наблюдала, как он ищет нужное объявление.

— Вот. Заявления принимают до конца недели. После этого начинаются проверки.

— Могу ли я восстановиться на последнем курсе?

— Это решает комиссия. У вас сохранились сведения о пройденных дисциплинах?

Я показала оборот свидетельства.

Он внимательно изучил его.

— Нужна архивная сверка. Результаты старых экзаменов могут быть признаны, но программа изменилась. Скорее всего, назначат дополнительные модули.

— А производственная практика?

— Ее тоже проверяют. Для взрослых специалистов предусмотрено подтверждение опыта. Но у всех разные обстоятельства.

— Я работала с защитными устройствами.

— Тогда вам понадобится практическая проверка.

Он достал чистый лист.

— Запишите фамилию и прежний учебный номер.

Я взяла перо.

И остановилась.

Какую фамилию писать?

Развод оформят только завтра.

Сейчас я еще Сабина Крейн.

— Можно указать прежнюю фамилию? — спросила я.

Служащий посмотрел на свидетельство.

— Ту, под которой вы учились?

— Да. Оррел.

— Конечно. Если фамилия менялась, приложите подтверждение. Архив будет искать вас по старым данным.

Я написала:

«Сабина Оррел».

Почерк получился неровным.

Служащий объяснил порядок подачи, проверил, какие документы следует принести, и передал мне напечатанное расписание.

Практическая проверка.

Теоретические вопросы.

Собеседование.

Решение комиссии.

Ни в одном пункте не было обещания, что меня обязательно примут.

— Скажите, — спросила я, — а если я не справлюсь с теоретической частью?

— Это будет зависеть от того, насколько серьезны пробелы. Иногда назначают обновляющие занятия, иногда советуют повторно подать заявление на следующий цикл.

Следующий цикл.

Еще несколько месяцев неизвестности.

Я посмотрела на расписание.

— А если пройду?

Служащий улыбнулся.

— Тогда сможете закончить образование. При выполнении всех требований, разумеется.

Я тоже улыбнулась.

Наверное, впервые за несколько дней совершенно искренне.

Он заметил это и добавил:

— Только не откладывайте заявление. Взрослых слушателей принимают по индивидуальной программе, оформление занимает время.

— Не отложу.

Я забрала листы и вышла.

На ступенях перед корпусом сидела девушка с тетрадью. Она что-то усердно считала, постоянно зачеркивала цифры и сердито шептала себе под нос.

Вдруг ветер перевернул страницу.

Девушка прижала тетрадь ладонью и посмотрела на меня.

— Простите, у вас случайно нет запасного карандаша? Мой сломался.

Я сунула руку в сумку.

Карандаш нашелся сразу.

Обычный, плотницкий, короткий от долгого использования.

— Держите.

— Спасибо! Я верну.

— Не нужно.

Она посмотрела на карандаш, потом на меня.

— Вы тоже поступаете?

— Пытаюсь вернуться.

— А, на взрослую программу? Я слышала, там сложно.

— Уверена, что не проще, чем у вас.

Девушка усмехнулась.

— У нас сегодня три проверки подряд. Я уже начала ненавидеть числа.

Я посмотрела в ее тетрадь. Не на решения, только на знакомую схему с направленными нагрузками.

— Иногда помогает сначала нарисовать конструкцию, — сказала я. — Цифры потом легче раскладываются по местам.

— Я рисовала. Получилось еще страшнее.

Она показала страницу.

Рисунок действительно был ужасен.

Я рассмеялась.

— Тогда попробуйте хотя бы обозначить, куда действует нагрузка.

— А, вот так? — Девушка быстро провела стрелку. — Подождите... Теперь понятно.

Она снова углубилась в расчеты.

Я пожелала ей удачи и пошла к воротам.

Всю дорогу домой мне было немного смешно.

Одиннадцать лет я объясняла помощникам, как держать измерительный инструмент, как распределять нагрузку, почему нельзя торопиться с нагреванием.

Сегодня впервые за долгое время кто-то спросил меня о чем-то, не зная, чья я жена.

И я смогла ответить.

***

Наутро Эдвин прислал исправленное соглашение.

Я еще раз прочитала его перед регистрацией.

Три сотни серебряников. Личные вещи. Отсутствие взаимных имущественных претензий в пределах перечисленного. Обязательство не использовать закрытые материалы мастерской без разрешения.

Фразы о согласовании всей дальнейшей профессиональной деятельности больше не было.

Я взяла с собой свидетельство об учебе, бумаги о смене фамилии и старую тетрадь. Последняя к разводу отношения не имела, но мне почему-то спокойнее было держать ее при себе.

Эдвин ждал у городской регистрационной палаты.

На нем был темный костюм, который я покупала для торжественного приема два года назад. Он приветливо кивнул и придержал передо мной дверь.

Этот жест чуть не заставил меня расплакаться.

Настолько он был привычным.

Мы прошли в небольшую комнату с высоким окном. За столом сидел регистратор. Рядом стоял шкаф, набитый тяжелыми книгами.

Никакой торжественности.

Никаких свидетелей.

Обычный рабочий день.

Регистратор сверил документы, уточнил, нет ли у нас несовершеннолетних детей и нерешенного имущественного спора.

Мы оба ответили отрицательно.

Потом он спросил, подтверждаем ли мы взаимное желание прекратить брак.

— Да, — произнес Эдвин.

Я смотрела на его руку.

На безымянном пальце все еще находилось кольцо.

Дома он его уже почти не носил. Сегодня надел.

Не знаю почему.

Возможно, по привычке.

— Госпожа Крейн? — обратился ко мне регистратор.

Я подняла глаза.

— Да. Подтверждаю.

Он поставил отметку в книге.

Потом попросил подписи.

Эдвин подписал первым. Я долго смотрела на свободную строку, прежде чем взяться за перо.

Написала фамилию Крейн.

Последний раз.

Чернила чуть растеклись на последней букве.

Регистратор проверил документ, отложил его и начал оформлять бумаги о возвращении прежней фамилии.

Я слушала, как он перечисляет порядок замены гражданских записей, но почти ничего не запоминала.

Удивительно, как мало требуется времени, чтобы закончить одиннадцать лет брака.

Мы прожили вместе больше четырех тысяч дней.

Регистрация заняла меньше получаса.

После завершения всех записей Эдвин передал мне документ о денежном расчете. Мы прошли в соседнее отделение расчетной палаты, где служащий проверил платежное поручение и выдал мне подтверждение перевода трехсот серебряников на мой личный счет.

Я еще раз проверила сумму в выписке, хотя знала ее наизусть.

Эдвин заметил.

— Все верно?

— Да.

— Я же говорил, что не собираюсь тебя обманывать.

Я убрала выписку.

— Хорошо.

Мы вышли на улицу вместе.

Осеннее солнце неожиданно пригревало. На площади торговали яблоками, пахло свежим хлебом, возле фонтана двое мальчишек пытались заставить маленький деревянный кораблик двигаться против струи воды.

Эдвин остановился возле ступеней.

— Ты уже нашла жилье?

— Сегодня окончательно договорюсь о комнате.

Накануне я успела осмотреть несколько вариантов. Один находился слишком далеко, другой пах сыростью, зато третий — на тихой улице возле мастерских — показался вполне подходящим.

Комната была маленькой, но сухой. Хозяйка не возражала против книг и не удивилась, когда я спросила, можно ли поставить у окна рабочий стол.

— Я все-таки считаю, что ты торопишься, — сказал Эдвин.

— Мы уже развелись.

— Я говорю о работе.

Конечно.

— Сабина, ты можешь вернуться к этому разговору в любой момент. Не нужно ничего доказывать. У тебя есть хорошее место, люди тебя знают, ты разбираешься в производстве. Зачем начинать с нуля?

Я посмотрела на его лицо.

На знакомую складку между бровями.

На упрямо сжатый рот.

Когда-то я могла угадать его настроение по тому, как он держал плечи. Сейчас тоже могла. Он искренне не понимал, почему я отказываюсь от разумного предложения.

Мне вдруг захотелось спросить, что именно он собирался делать, когда приведет Летицию в наш бывший дом.

Будут ли они ужинать за тем же столом?

Станет ли она пользоваться моей чашкой?

Позволит ли он ей переставить книги?

Но я не спросила.

Не потому, что это было ниже моего достоинства.

Просто ответ сделал бы мне больнее, а пользы от него не было никакой.

— Я подала запрос в академию, — сказала я.

Эдвин удивленно посмотрел на меня.

— В какую академию?

— В Белмарскую. На программу завершения обучения.

Несколько секунд он молчал.

Потом нахмурился.

— Ты серьезно?

— Да.

— Сабина, тебе тридцать три года.

— Мне известно.

— Ты собираешься сидеть на занятиях с девочками, которые только вчера закончили подготовительную школу?

— В программе есть взрослые слушатели.

— И что, ты думаешь, что все твои старые экзамены засчитают? Программы изменились. Некоторые предметы преподают совершенно иначе.

— Я знаю. Мне назначат проверку.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Ты ведь понимаешь, что это не просто вопрос желания? Придется сдавать обновленные дисциплины. Делать выпуск-

ную работу. Тратить деньги.

— Понимаю.

— И где ты возьмешь время? На что будешь жить?

— У меня есть триста серебряников.

Эдвин поморщился.

— Они закончатся гораздо быстрее, чем тебе кажется, если начнешь тратить их на бесполезное обучение.

Бесполезное.

Я посмотрела в сторону фонтана.

Деревянный кораблик наконец выбрался из сильной струи и поплыл вдоль края чаши. Один из мальчишек радостно закричал.

— Ты сам когда-то говорил, что мне нужен диплом, — произнесла я.

— Одиннадцать лет назад. Тогда были другие обстоятельства.

— Для меня он все еще нужен.

Эдвин потер подбородок.

— Послушай. Я не запрещаю тебе учиться. Но подумай, что это даст. У тебя уже есть опыт, а диплом ничего не изменит, если ты не сможешь применить знания. В мастерской ты могла бы работать и без него.

— Под руководством Летиции.

— Опять ты за свое.

Я покачала головой.

— Нет, Эдвин. Я просто не хочу.

Он умолк.

Кажется, именно эта фраза удивила его сильнее всех остальных.

Не обвинения.

Не возражения о деньгах.

Простой отказ.

— Ты еще передумаешь, — сказал он наконец.

Я не ответила.

— Когда немного успокоишься, сможем вернуться к деловому разговору.

— Возможно, — сказала я.

Мне не хотелось спорить о будущем, которого я пока не знала.

Эдвин протянул руку, собираясь, кажется, коснуться моего плеча. Потом остановился.

— Береги себя.

— Ты тоже.

Он ушел первым.

Я смотрела ему вслед, пока темный костюм не исчез среди прохожих.

И только тогда заметила, что на его пальце уже не было кольца.

Я не видела, когда он снял его.

***

Собираться окончательно оказалось тяжелее, чем я думала.

В доме было слишком много вещей, которые мы выбирали вместе.

Старая скатерть.

Пара одинаковых чашек.

Книга, которую Эдвин читал мне вслух, пока я болела.

Я старалась брать только то, что принадлежало лично мне.

Часть одежды. Учебные тетради. Семейные письма. Небольшую шкатулку, подаренную матерью, и несколько книг, которые покупала еще до свадьбы.

Рабочие журналы мастерской я даже не стала открывать.

На отдельной полке лежали мои личные записи вперемешку с производственными. Я потратила почти час, разбирая их по времени создания и содержанию. Учебные конспекты и старые личные наброски положила в ящик. Закрытые рабочие чертежи оставила на месте.

С одним листом пришлось повозиться.

На обороте моего старого университетского расчета Эдвин когда-то записал размеры детали для большого заказа.

Я посмотрела на обе стороны, вздохнула и переписала собственную учебную часть на чистый лист, оставив оригинал в мастерской.

Глупо было терять из-за одного листа возможность начать заново без чужих претензий.

Когда все было собрано, я вернулась к шкафу за последней коробкой.

Там стояла фотография с нашей свадьбы.

Эдвин на ней улыбался. Я тоже.

Мне было двадцать два. На мне было простое светлое платье, волосы выбились из прически, а в руках я держала огромный букет полевых цветов.

Мы выглядели счастливыми.

Потому что были счастливы.

Я долго смотрела на фотографию.

Не хотелось притворяться, будто одиннадцать лет можно перечеркнуть, объявив их сплошной ошибкой.

Мне нравилась наша жизнь. По крайней мере большая ее часть.

Нравилось вместе работать, покупать первые приличные инструменты, спорить о форме новых устройств. Я любила ждать Эдвина по вечерам и слушать, как он рассказывает о собственных успехах.

Просто в какой-то момент он перестал интересоваться моими.

И я слишком долго считала, что так и должно быть.

Фотографию я оставила.

Не из мести.

Мне просто не хотелось брать ее в новую комнату.

Последний ящик помог вынести нанятый возчик. Он привязал вещи к повозке и терпеливо ждал, пока я проверяла комнаты.

На кухне я остановилась возле стола.

Зеленые серьги все еще лежали у сахарницы.

Я взяла их.

Подарок не перестал быть моим только потому, что человек, который его подарил, больше меня не любил.

Убрала серьги в карман.

Затем вернулась в мастерскую.

На моем прежнем столе уже работал другой человек. Ничего удивительного: я сама сказала передать незаконченные задания мастерам.

Парень поднял голову.

— Госпожа Крейн, мы проверили вашу скобу. Там действительно пришлось снимать металл с правой стороны.

— Хорошо.

— А вы куда-то переезжаете? — спросил он.

— Да.

— Надолго?

Я задумалась.

— Совсем.

Он явно растерялся.

— Жаль. Вы всегда объясняли понятнее остальных.

Я улыбнулась.

— Спасибо.

На столе у окна лежали мои рабочие перчатки. Собственные, старые, с прожженным пятном на указательном пальце.

Я взяла их.

Больше ничего мне здесь не требовалось.

У дверей я задержалась, чтобы еще раз посмотреть на зал.

Мастерская была живой. Шумела, пахла нагретым металлом и продолжала работать.

Без меня.

Почему-то именно это оказалось труднее принять.

Я столько лет боялась, что без моего постоянного участия что-нибудь непременно пойдет не так.

Но люди выполняли свои обязанности. Механизмы собирались. Заказы продолжали существовать.

И в этом было что-то обидное.

И что-то неожиданно освобождающее.

Я вышла.

***

Комната, которую я сняла, находилась на втором этаже старого дома над лавкой переплетчика.

У нее было единственное окно, узкая кровать, шкаф с потертыми дверцами и стол, на котором едва помещались две раскрытые книги.

Зато окно выходило во двор, а не на шумную улицу.

Хозяйка помогла занести последний ящик.

— Воду берут внизу, — напомнила она. — Горячую можно заказать утром. Если будете задерживаться, предупреждайте заранее. Я вечером запираю наружную дверь.

— Хорошо.

— И не оставляйте горящие лампы без присмотра.

— Разумеется.

Она осмотрела мои коробки.

— Учитесь?

— Собираюсь.

— Это хорошо.

И ушла.

Я осталась одна.

За окном кто-то скрипел воротом колодца. Внизу, в лавке, стучал переплетный пресс. Запах клея и бумаги поднимался через щели в полу.

Нужно было распаковать вещи.

Постелить белье.

Устроить книги.

Купить хотя бы одну тарелку, потому что я забрала чашку, но совершенно забыла про посуду.

Вместо этого я села на кровать и заплакала.

Не красиво, не тихо.

Я плакала из-за одиннадцати лет, которые не собиралась терять. Из-за нового дома Эдвина, в котором скоро будет другая женщина. Из-за того, что сама никак не могла перестать любить человека, который так спокойно составил план жизни без меня.

А еще из-за двадцати серебряников.

Эта сумма вдруг показалась самой унизительной подробностью нашего развода.

Мой муж знал, сколько я работаю.

Знал, что я умею.

И решил, что за двадцать серебряников я с благодарностью продолжу делать все то же самое.

Когда слезы закончились, у меня заболела голова.

Я умылась холодной водой, которую принесла снизу, и принялась распаковывать вещи.

К ночи на столе стояла лампа. На подоконнике лежали перчатки. Книги заняли половину шкафа, а на кровати появилось чистое покрывало.

Получилось бедно.

Но терпимо.

Я развернула тетрадь расходов.

Триста серебряников.

За консультацию я уже заплатила два серебряника из прежних мелких сбережений. Остальные расходы предстояло подсчитать отдельно.

Пока я не знала, примут ли меня в академию, но уже узнала стоимость учебного осеннего цикла.

Восемьдесят серебряников.

Я написала эту сумму и долго на нее смотрела.

Восемьдесят.

За возможность окончить образование, которое оставила одиннадцать лет назад.

Немало.

Следом записала приблизительную стоимость комнаты и питания на ближайшие недели. Добавила книги, бумагу, необходимые материалы.

Получилось достаточно, чтобы начать, но недостаточно, чтобы позволить себе полгода безделья.

Придется искать подработку.

И учиться.

И, если меня примут, снова сдавать экзамены.

Я посмотрела на старое свидетельство.

Когда-то мои отметки были хорошими. Но за одиннадцать лет многое изменилось. Появились новые накопители, другие правила испытаний, изменились требования к безопасности.

В мастерской я работала ежедневно.

Однако пользоваться известными приемами и объяснять, почему они действуют, — не всегда одно и то же.

Я не знала, хватит ли мне знаний.

Не была уверена даже в том, что смогу спокойно стоять перед преподавателями и отвечать на вопросы.

В последний раз я делала это в двадцать два года.

Тогда боялась получить плохую отметку.

Теперь боялась обнаружить, что Эдвин прав.

Что у меня действительно нет ничего, кроме привычки быть полезной ему.

Я достала чистый лист заявления.

В верхней части были напечатаны строки:

«Фамилия, имя».

«Сведения о прежнем обучении».

«Профессиональная деятельность».

«Основание для восстановления».

Я обмакнула перо в чернила.

На первой строке написала:

«Сабина Оррел».

Рука дрогнула совсем немного.

Дальше было проще.

Я указала учебный номер, факультет, годы обучения.

На строке о профессиональной деятельности задержалась.

Хотелось написать просто: «Работала в мастерской мужа».

Так было бы привычнее.

Но это не отвечало на вопрос.

Я взяла чистый лист и начала перечислять, чем действительно занималась.

Сборка и настройка защитных рам.

Испытания креплений.

Подбор материалов.

Проверка надежности соединений.

Исправление неисправностей.

Составление рабочих расчетов.

К концу списка у меня почти закончилась страница.

Я прочитала написанное.

Сначала показалось, что получилось слишком много.

Потом вспомнила, сколько всего в него еще не вошло.

Вздохнула и аккуратно переписала основные сведения в заявление.

Последней осталась строка с причиной возвращения.

Я долго сидела над ней.

Написать «после развода»?

«В связи с изменением семейных обстоятельств»?

«Для получения возможности самостоятельного заработка»?

Все это было правдой.

Но не всей.

Я зачеркивала варианты на черновике, пока в конце концов не написала:

«Для завершения профессионального образования и получения квалификации мастера прикладной защиты».

Перечитала.

Звучало сухо.

Зато точно.

К заявлению я приложила копию свидетельства, выписку о возвращении прежней фамилии и перечень учебных дисциплин.

Практическую проверку назначали только после архивной сверки. Теоретические вопросы тоже предстояли впереди.

Ничего еще не было решено.

Я могла провалиться.

Потратить деньги.

Потерять время.

Снова услышать, что недостаточно хороша.

Но теперь впервые за долгие годы мне хотелось попробо-

вать не потому, что от моей работы зависел чей-то заказ.

Я сложила бумаги в конверт.

На столе осталось лежать расписание вступительных проверок.

Я еще раз прочитала его, затем раскрыла старую тетрадь на первой попавшейся задаче.

Защитная рама с двумя точками опоры. Необходимо было определить, при каком наклоне крепление потеряет устойчивость.

Я помнила, как решить первую часть.

На второй запнулась.

Потянулась за карандашом, но остановилась.

Было уже поздно. Глаза болели, а утром предстояло отнести заявление.

Я закрыла тетрадь.

Раньше я непременно просидела бы до полуночи, пытаясь исправить каждую ошибку. Особенно если бы рядом был Эдвин.

Мне всегда хотелось, чтобы он видел, какая я старательная.

Сегодня смотреть было некому.

И я позволила себе лечь спать.

Перед тем как погасить лампу, положила заявление на самое видное место.

Завтра начнется проверка документов.

Потом будут экзамены.

Я еще не знала, возьмут ли меня в академию.

Но впервые за одиннадцать лет мое будущее зависело не от того, согласится ли муж выделить для меня место рядом с собой.

Зависело от того, справлюсь ли я сама.

И это пугало меня почти до дрожи.

Утром я отнесла заявление в канцелярию.

Служащий проверил приложения, поставил на первом листе дату и регистрационный номер.

— Архив должен подтвердить прежние результаты, — объяснил он. — После этого получите окончательное расписание проверок. Явка обязательна. Практическая и теоретическая части оцениваются отдельно.

— Понимаю.

— При неудовлетворительном результате восстановление могут отложить до следующего цикла.

Я кивнула.

Он протянул мне квитанцию.

— Документы приняты, госпожа Оррел.

Я взяла ее обеими руками.

На маленьком листке стояли мое имя, номер заявления и печать академии.

Больше ничего.

Ни обещаний.

Ни гарантий.

Но я так долго не держала в руках документ, на котором

мое имя означало именно меня, что не сразу смогла убрать квитанцию в сумку.

Выйдя на улицу, я остановилась возле ворот.

По дорожке шли студенты с книгами и чертежами. Где-то в глубине двора звенел учебный колокол. Из открытого окна доносился голос преподавателя, объяснявшего разницу между расчетной и действительной нагрузкой.

Я вспомнила, каково это: стоять у незнакомого порога и знать, что за ним придется учиться чему-то трудному.

И очень хотеть войти.

Я достала квитанцию еще раз.

Сабина Оррел.

Тридцать три года.

Последний курс так и не окончен.

На следующей неделе мне предстояло доказать, что одиннадцать лет работы не прошли даром.

Я убрала квитанцию, поправила ремень сумки и пошла домой.

По дороге зашла в лавку и купила два новых карандаша.

Один сразу заточила.

Второй оставила про запас.

Глава 2. Право вернуться

На следующий день после подачи заявления я узнала, что одиннадцать лет отсутствия в академии стоили мне не только забытой теории, но и трех часов ожидания возле архивной комнаты.

— У нас изменился порядок учета, — объяснила женщина за стойкой. — Теперь старые личные дела хранятся отдельно.

— А раньше?

— Раньше все хранилось вместе.

Она произнесла это с таким выражением, будто сама до сих пор не простила руководству нововведение.

Я стояла перед ней с папкой документов, новым карандашом за ухом и совершенно нелепым ощущением, что мне снова двадцать два года.

Только тогда я волновалась перед экзаменом по энергетическим связям.

Сегодня — перед женщиной с чернильным пятном на подбородке.

— Ваше дело, госпожа Оррел, нашлось, — продолжила она. — Но в нем указана другая фамилия. Нам требуется подтверждение смены.

— Я приложила выписку.

— К заявлению. А здесь архив.

Я посмотрела на нее.

Она посмотрела на меня.

— Нужно принести еще одну копию? — осторожно спросила я.

— Именно.

В соседнем коридоре работал писарь, который за один медяк снимал заверенные копии. Я дошла до него, заплатила, вернулась и снова встала перед архивной стойкой.

Женщина внимательно осмотрела лист.

— Вот теперь хорошо.

— Можно узнать, какие дисциплины мне зачтут?

— После сверки.

— А когда она закончится?

— Как только проверим ведомости.

Она взяла документы и направилась к шкафам.

Я смотрела ей вслед, чувствуя, как медленно исчезает мое утреннее воодушевление.

Вчера мне казалось, что самое трудное — решиться.

Оказалось, решение было только началом. Впереди ждали люди, которые не знали обо мне ничего, кроме того, что я пропустила одиннадцать лет и теперь хотела вернуться.

И, что особенно неприятно, им совершенно не было дела до причин.

На скамье возле окна сидели еще четверо посетителей. Мужчина лет пятидесяти с тяжелыми руками каменщика, молодая женщина с корзиной образцов ткани и двое парней,

которые громко обсуждали расписание испытаний.

Я села рядом.

За окном виднелся внутренний двор академии.

Когда-то я знала здесь каждый поворот. Могла пробежать от общежития до лаборатории с закрытыми глазами, если опаздывала к первой паре. Помнила, у какой лестницы собираются старшекурсники и в каком коридоре зимой теплее всего.

Теперь на месте старой лестницы находился широкий переход со стеклянной крышей. Через него непрерывно проходили студенты. Некоторые несли инструменты, другие — книги, третьи просто спешили, придерживая сумки.

За одиннадцать лет в академии успело смениться все, кроме привычки опаздывать.

Я вытащила из сумки старую тетрадь.

На первой открывшейся странице находилась задача о распределении нагрузки между двумя опорами.

Вчера я пыталась решить ее вечером, но быстро обнаружила, что помню только половину формул.

Сегодня начала заново.

Первые три строки дались легко.

На четвертой я остановилась.

Мне требовалось определить предельную нагрузку на соединение, но я никак не могла вспомнить, какое значение коэффициента надо использовать для влажной древесины.

В мастерской мы давно не работали с такими крепления-

ми. Там были современные сплавы и готовые нормативные таблицы.

А здесь требовалось объяснить, почему конструкция поведет себя определенным образом.

Я долго смотрела на строчку, потом поставила возле нее вопросительный знак.

— Простите, вы тоже на восстановление?

Я подняла голову.

Ко мне обращался мужчина с руками каменщика.

— Да.

— Давно учились?

— Одиннадцать лет назад.

— А я семнадцать, — сообщил он. — Был уверен, что все забыл. Оказалось, кое-что еще помню. Особенно то, за что меня в свое время ругали.

Я невольно улыбнулась.

— Это почему?

— Потому что до сих пор делаю те же ошибки.

Он показал мне большой палец с криво сросшимся ногтем.

— Вчера опять не закрепил направляющую. Вот результат. В мастерской мастер сказал, что диплом мне нужен хотя бы для того, чтобы научиться читать собственные инструкции.

— А зачем вы решили вернуться?

— Хочу открыть дело с сыном. Он учился здесь, только за-

кончил. Говорит, без официальной квалификации мне нельзя будет подписывать часть проектов.

Мужчина помолчал.

— А вы?

Я посмотрела на свою тетрадь.

Можно было рассказать о разводе.

О муже, который нашел другую женщину.

О двадцати серебряниках и предложении остаться помощницей.

Но незнакомый человек спросил совсем не об этом.

— Хочу закончить учебу, — ответила я. — Остался последний курс.

— Тогда вам проще.

Я покосилась на вопросительный знак в тетради.

— Пока не уверена.

Мужчина рассмеялся.

— И правильно. Я вот тоже думал, что проще. А теперь третий день хожу по кабинетам.

Мы разговорились.

Его звали Гарвен. Он занимался каменными защитными опорами и хотел получить право самостоятельно принимать строительные работы. У него было двое взрослых детей, любимая мастерская и совершенно невысокое мнение о собственном почерке.

Через четверть часа выяснилось, что женщина с корзиной образцов работала ткачихой и собиралась подтверждать зна-

ния по пропитке защитных тканей.

Я слушала их и постепенно переставала чувствовать себя странной.

Никто не спрашивал, почему я решила учиться в тридцать три.

Никто не говорил, что мне поздно.

У каждого здесь была собственная причина прийти в академию после долгого перерыва.

У каждого — свои страхи.

Наконец открылась архивная дверь.

— Оррел Сабина!

Я поднялась так быстро, что карандаш упал на пол.

Гарвен поднял его раньше меня.

— Удачи, — сказал он.

— Вам тоже.

За стойкой лежала толстая папка.

На обложке знакомым почерком было написано мое прежнее имя. Рядом стоял старый учебный номер.

Архивистка перелистнула ведомости.

— У вас хорошие результаты, госпожа Оррел.

Я почувствовала облегчение.

Прежние экзамены существовали не только в моей памяти.

— Значит, их признают?

— В основном да. Вот здесь требуется обновляющий модуль, здесь — проверка действующих норм. А по производ-

ственной практике нужна отдельная демонстрация навыков.

Она показала несколько строк.

— Вы указали одиннадцать лет работы в мастерской?

— Да.

— Это может быть основанием для подтверждения практики выпускного года. Но потребуется показать навыки комиссии.

— Я понимаю.

— При этом старые отметки не освобождают от новой теории.

Она передала мне лист.

На нем стояло несколько дат и время практической проверки.

Я сразу заметила фамилию председателя.

Эстер Ланге.

У меня вырвалось:

— Она все еще преподает?

Архивистка подняла брови.

— Профессор Ланге? Конечно. Теперь руководит программой завершения образования.

Я прекрасно помнила Эстер Ланге.

Невысокую женщину, которая могла одним вопросом испортить самую красивую защиту проекта.

На третьем курсе она заставила меня четыре раза переделывать крепление рамы. В последний раз я была уверена, что она просто придирается.

Потом рама выдержала испытание, а два похожих образца других студентов не выдержали.

Я до сих пор пользовалась приемом, которому она меня тогда научила.

Правда, сомневалась, что она узнает меня.

— Проверка назначена на завтра, — сказала архивистка. — Не опаздывайте.

Я взяла расписание.

Завтра.

Времени подготовиться почти не осталось.

***

Ночью я уснула только под утро.

Не потому, что учила.

Как раз учебу пришлось прекратить около полуночи, когда буквы начали расплываться перед глазами.

Я лежала в узкой кровати и вспоминала собственные ошибки.

В двадцать два года я была хорошей студенткой. Не лучшей на курсе, зато упорной. Мне нравилось разбирать неисправные устройства и искать причину, по которой правильный на первый взгляд механизм вдруг отказывался работать.

Эдвин когда-то говорил, что у меня редкая способность замечать ненужное.

Тогда он имел в виду мелкие недостатки конструкции.

Позднее стал произносить это, когда я задавала неудобные вопросы.

Утром я проснулась раньше колокола, умылась холодной водой и надела темно-зеленое платье.

Из всех моих вещей оно оказалось самым удобным для работы. Рукава можно было закатать, юбка не путалась под ногами, а на кармане сохранилась маленькая прожженная дырка.

Я хотела зашить ее перед выходом.

Потом решила, что комиссия переживет дырку на моем кармане.

По дороге купила горячую лепешку с сыром.

Съела половину, а вторую убрала в сумку, потому что от волнения желудок отказывался принимать пищу.

Возле испытательного корпуса собрались люди.

Кто-то перечитывал конспекты, кто-то ходил туда-сюда. Две женщины спорили о том, нужно ли заранее активировать накопитель перед проверкой.

Я нашла свое имя в списке.

Сабина Оррел.

Номер семь.

Сразу захотелось оказаться номером двадцать.

— Госпожа Оррел?

Я обернулась.

Передо мной стояла Эстер Ланге.

За одиннадцать лет она почти не изменилась. Только волосы стали совершенно седыми, а на переносице появились глубокие складки.

Она была в темном рабочем платье, поверх которого носила плотный фартук с карманами для инструментов.

— Доброе утро, профессор.

Эстер внимательно посмотрела на меня.

— Сабина Оррел. Вы работали с подвижными креплениями на третьем курсе.

— Да.

— И пытались убедить меня, что неудобная рукоять не имеет значения, если защита держится.

Я почувствовала, как краснею.

— Пыталась.

— Надеюсь, с тех пор вы изменили мнение.

— Пришлось. Люди отказываются пользоваться устройством, если оно режет им ладони.

Уголок ее рта дрогнул.

— Отлично. Значит, одиннадцать лет прошли не совсем напрасно.

Она посмотрела на список.

— Проверку проведем в двух частях. Сначала практическая работа с учебным образцом, затем письменная теория. Не ждите поблажек за прежние отметки.

— Не жду.

— Вот и хорошо. И не бойтесь выглядеть взрослой среди молодых, госпожа Оррел. Здесь оценивают не возраст.

Она ушла.

Я несколько секунд стояла неподвижно.

Последняя фраза была настолько неожиданной, что мне захотелось догнать ее и поблагодарить.

Но я только поправила ремень сумки и вошла в зал.

На семи рабочих столах лежали одинаковые наборы.

Небольшая защитная рама, сменные металлические крепления, инструменты, измерительные пластины и запечатанные накопители.

Над каждым столом висела табличка с номером.

Мой был седьмым.

На специальной доске значилось:

«Практическая проверка. Обнаружить неисправность, устранить ее и подтвердить безопасность работы».

Время — пятьдесят минут.

Я выдохнула.

Это я умела.

Эстер прошла между столами.

— Обратите внимание: образцы содержат неисправности разного типа. Испытательный накопитель нельзя включать, пока вы не завершили первичный осмотр и не сообщили о готовности. Если считаете запуск небезопасным, так и укажите. Вы не обязаны активировать неисправную конструкцию ради красивого результата.

Я посмотрела на собственный образец.

С виду все было нормально.

Складная рама, две опоры, направляющая и металлическая скоба в верхней части.

Я проверила соединение пальцами.

Небольшой люфт.

Это еще не обязательно означало неисправность. Некоторые конструкции имели допустимое движение в соединениях, чтобы компенсировать нагрев.

Я взяла измерительную пластину.

Проверила ширину зазора.

Затем осмотрела крепление с обратной стороны.

На одном из выступов виднелся едва заметный след трения.

Я придвинула лампу.

Сплав казался обычным, но цвет у двух деталей немного различался.

Возможно, соединение было собрано из материалов с разным расширением при нагреве.

Я записала предположение и проверила маркировку.

Так и оказалось.

Верхняя скоба при повышении температуры расширялась быстрее соседней детали. В холодном состоянии конструкция оставалась устойчивой, но после нескольких включений крепление могло начать заедать.

Я сняла скобу.

Осмотрела посадочное место.

Потом выбрала из набора другую деталь с подходящей маркировкой.

Рядом зазвенел чей-то инструмент.

Кто-то тихо выругался.

Я не смотрела по сторонам.

Примерила новую скобу, измерила зазор и попробовала собрать соединение.

Оно не встало.

Я нахмурилась.

Проверила еще раз.

Размеры совпадали.

Только теперь заметила, что нижняя направляющая немного смещена. Видимо, именно поэтому прежний крепеж так быстро стерся.

Я начала разбирать узел.

Прошло почти двадцать минут.

Мне внезапно стало страшно, что не успею.

В мастерской я могла потратить на такую работу хоть целый день. Здесь время отсчитывалось песочными часами на соседней полке.

Я поставила направляющую ровно, закрепила соединение и еще раз проверила движение рамы.

Теперь ничего не заедало.

Но при резком складывании появлялся неприятный щелчок.

Я остановилась.

На соседнем столе уже запускали испытательный накопитель.

Один из кандидатов улыбался, наблюдая за ровной поло-

сой защитного света.

Мне тоже хотелось запустить свой образец.

Показать, что я справилась.

Однако щелчок повторился.

Я проверила место крепления.

В нижнем узле отсутствовала тонкая фиксирующая шайба.

Ее не было среди установленных деталей, зато в комплекте запасных лежала подходящая.

Я взяла ее и вставила под крепление.

Складывание стало плавным.

Времени осталось меньше десяти минут.

Я подняла руку.

Ко мне подошла Эстер.

— Готовы?

— К первому испытанию. Я заменила верхнюю скобу, исправила положение направляющей и поставила недостающую шайбу.

Она посмотрела на устройство.

— Почему не оставили первоначальную скобу?

Я объяснила разницу между материалами.

— А если бы пришлось использовать именно ее?

— Тогда нужно менять соседнюю деталь или предусматривать другой зазор. Но здесь есть совместимый вариант, поэтому лишнее усложнение не требуется.

Эстер кивнула.

— Запускайте.

Я установила учебный накопитель.

Проверила фиксатор.

И только после этого коснулась пусковой пластины.

Защитная полоска появилась над рамой.

Сначала тонкая, затем ровная.

Механизм нагрелся, но соединение не заклинило.

Я наблюдала за ним, отсчитывая положенное время.

На восьмой секунде в верхней части появилась едва заметная дрожь.

Я нахмурилась.

Дрожь исчезла, как только нагрев перестал увеличиваться.

Испытание завершилось.

Эстер сделала запись.

— Что заметили?

— На восьмой секунде возникло небольшое колебание верхней направляющей. Возможно, крепление стоит проверить при повторном нагреве.

— Оно опасно?

— По одному запуску не скажу. Для допуска к работе потребовалась бы повторная проверка.

Она посмотрела на меня поверх очков.

— А если бы у вас оставалась одна минута до сдачи заказа?

Я представила мастерскую.

Эдвин, который спешит к клиенту.

Сборщиков, ждущих решения.

Заказчика, обещавшего большую премию за досрочное завершение.

— Я бы сказала, что испытания не закончены, — ответила я.

— Даже если заказчик будет недоволен?

— Да.

Эстер еще что-то записала.

— На сегодня достаточно.

Я отступила от стола.

Впервые за утро почувствовала облегчение.

Справилась.

Пусть не идеально, но нашла неисправности и довела образец до рабочего состояния.

Я уже начала складывать инструменты, когда заметила, что Эстер не уходит.

— Сабина, — сказала она, — ваша работа очень аккуратна.

— Спасибо.

— Но не путайте аккуратность с достаточностью. Вы хорошо знаете, как исправлять знакомые механические узлы. Теперь нужно проверить, насколько уверенно понимаете их работу за пределами привычных условий.

Я кивнула.

В тот момент я еще не знала, насколько скоро вспомню

ее слова.

***

Теоретическая проверка началась после короткого перерыва.

Нам раздали листы с задачами.

Первые две оказались простыми.

В одной требовалось определить безопасную нагрузку на соединение, в другой — рассчитать потерю мощности при использовании накопителя с ограниченным зарядом.

Я работала спокойно.

Третья задача была сложнее, но знакомый прием помог найти решение.

А вот четвертая заставила меня остановиться.

На листе изображалась защитная конструкция для открытого склада возле морского порта.

Высокая влажность.

Керамические изоляторы.

Два соединения с разной степенью износа.

Требовалось определить, в каких условиях устройство может потерять устойчивость.

Я прочитала условие трижды.

Рассчитала нагрузку.

Проверила допустимые значения.

Получалось, что все должно работать.

Но почему-то меня не оставляло ощущение ошибки.

Я внимательно изучила рисунок.

В мастерской мы редко сталкивались с такой влажностью. Эдвин предпочитал заказы внутри города. Если защитные устройства отправлялись к морю, подготовкой к условиям эксплуатации занимались отдельные мастера.

Мне вспомнился давний урок.

Эстер тогда говорила о том, что некоторые материалы меняют свойства после длительного воздействия влаги.

Я попыталась вспомнить формулу.

Не получилось.

На соседнем столе кто-то перевернул лист.

Оставалось двадцать минут.

Я записала решение, исходя из знакомых условий.

Затем перешла к следующей задаче.

Когда время закончилось, я сдала работу с неприятным ощущением.

Слишком уж гладко все сошлось.

Эстер попросила нас подождать в коридоре.

Я вышла последней.

В помещении пахло мокрой одеждой: за время проверки снаружи начался дождь.

Гарвен стоял у окна и с таким видом смотрел на собственные пальцы, будто собирался обвинить их в предательстве.

— Как прошло? — спросила я.

— Если каменные опоры когда-нибудь начнут сами себя рассчитывать, мне будет гораздо спокойнее.

Я улыбнулась.

— У меня тоже не все получилось.

— Самая неприятная задача какая?

— Про влажность.

Он задумался.

— А, с керамикой?

— Да.

— Я там долго возился.

— Я тоже.

Он хотел что-то добавить, но из зала вышел служащий и назвал несколько фамилий.

Нас приглашали на краткие собеседования.

Когда подошла моя очередь, я вошла с таким ощущением, будто снова оказалась первокурсницей.

Эстер сидела за столом. Перед ней лежала моя работа.

Рядом стояла высокая женщина, которую я видела на практической проверке. Она просматривала ведомости и время от времени делала пометки.

— Садитесь, госпожа Оррел, — сказала Эстер.

Я села.

Она повернула ко мне лист.

— Практическая часть выполнена хорошо. Вы обнаружили обе основные причины неисправности и правильно отказались считать один успешный запуск окончательным подтверждением безопасности.

Я выдохнула.

— Но в теории есть проблема.

Я уже знала, какая.

— Задача о портовом складе?

— Именно.

Эстер указала на мои расчеты.

— Объясните, почему вы приняли постоянным сопротивление керамического изолятора.

Я посмотрела на цифры.

— Потому что в исходных условиях не было указано повреждения материала.

— А высокая влажность?

— Я учла ее при расчете нагрузки на внешние соединения.

— Только на них?

Я замолчала.

Взглянула на схему.

И наконец увидела то, что должна была заметить еще на проверке.

— На поверхности изолятора может образоваться проводящий слой, — медленно произнесла я.

— Верно.

— Тогда потери изменятся. И нагрузка распределится иначе.

— Именно.

Эстер передвинула лист ближе.

— Теперь посмотрите, что произойдет с вашим решением.

Я быстро пересчитала значения.

На этот раз результат оказался неприятным.

Защита могла начать работать неустойчиво задолго до предполагаемого предела.

Я молча смотрела на собственные цифры.

В мастерской мне много раз приходилось исправлять чужие ошибки.

Сегодня я сделала ошибку, которую сама назвала бы серьезной, если бы увидела ее в чужом расчете.

— Я не учла этот эффект, — признала я.

— Не учли.

Эстер отложила лист.

— В этом и состоит проблема людей с большим практическим опытом. Вы привыкли к определенным материалам, определенным условиям, определенному порядку работы. Иногда это помогает принимать решения быстро. Но иногда перестает замечаться то, чего нет в повседневной практике.

Мне захотелось возразить, что я прекрасно знаю другие материалы.

Что одиннадцать лет работала с защитными устройствами.

Что умею находить неисправности быстрее многих выпускников.

Но я сдержалась.

Потому что все это было правдой.

И ни одно из этих обстоятельств не делало мой расчет пра-

вильным.

— Значит, проверку я не прошла? — спросила я.

Эстер посмотрела на вторую женщину.

Та передала ей ведомость.

— Вы успешно подтвердили практическую подготовку. Архив признал большую часть прежних дисциплин. Однако обновленную теорию прикладной защиты вам придется освоить дополнительно.

— То есть меня не принимают?

— Не торопитесь с выводами.

Эстер сняла очки.

— Программа для взрослых специалистов именно для таких случаев и существует. Вам не требуется заново учиться тому, что вы уже умеете. Но пробелы придется закрыть.

Я почти перестала дышать.

— Вы предлагаете мне место?

— С условиями.

Она положила передо мной лист.

— Осенний цикл. Обязательные обновляющие модули по действующим нормам и работе материалов в разных условиях. Промежуточная пересдача теории. Новая самостоятельная выпускная работа. И ее защита перед комиссией.

Я посмотрела на список.

Он был длиннее, чем я ожидала.

— Если не сдам пересдачу?

— Тогда выпускную квалификацию в этом цикле не по-

лучите. Придется продолжить обучение.

— А если сдам?

— Тогда останется выполнить остальные требования.

Я едва удержалась от улыбки.

Эстер заметила.

— Не радуйтесь слишком рано, Сабина. Работы будет много.

— Я понимаю.

— И еще кое-что. Мне не нужны объяснения, почему вы оставили академию. За одиннадцать лет у человека может произойти многое. Но здесь никто не станет оценивать вас по прежним заслугам вашего супруга.

Я подняла глаза.

Она знала.

Разумеется, знала. Эдвин иногда выступал в академии с лекциями. Его имя встречалось в профессиональных журналах. Наш развод наверняка уже обсуждали знакомые.

Эстер продолжила:

— Ваша производственная практика засчитывается по результатам сегодняшней проверки и подтвержденного опыта. Это ваш результат. За новую работу отвечать тоже будете вы.

Я кивнула.

— Спасибо, профессор.

— Поблагодарите меня после защиты. Пока получите перечень занятий и не пропускайте обновляющий курс.

Я взяла бумаги.

Уже возле двери Эстер окликнула меня:

— Сабина.

Я обернулась.

— Вы хорошо заметили колебание на восьмой секунде практического испытания.

— Спасибо.

— Но излишне долго пытались добиться идеального результата. Иногда нужно вовремя остановиться и объяснить, что требует дополнительной проверки.

Я усмехнулась.

— Пытаюсь научиться.

— Вот и учитесь.

***

В коридоре я обнаружила, что улыбаюсь.

Не широко. Не так, чтобы окружающие оборачивались.

Но совершенно по-настоящему.

Меня приняли.

Пусть с условиями.

Пусть впереди были пересдачи, новая теория, самостоятельная выпускная работа и необходимость искать подработку.

Я получила право попытаться.

Я сложила бумаги в папку и направилась к лестнице.

— Сабина?

От знакомого мужского голоса я остановилась так резко, что едва не столкнулась с проходившим мимо студентом.

В нескольких шагах от меня стоял Роан Крейн.

Я узнала его сразу, хотя с последней встречи прошло несколько лет.

Он всегда был похож на Эдвина достаточно, чтобы родство не вызывало сомнений, и совершенно не похож во всем остальном.

Эдвин умел нравиться людям. Улыбался первым, охотно поддерживал разговор, легко находил общие темы.

Роан производил впечатление человека, который предпочел бы провести весь вечер молча, лишь бы не объяснять собеседнику очевидные вещи.

Высокий, широкоплечий, с темными волосами и серебром у висков, он стоял возле стены с папкой в одной руке.

На нем был простой темный сюртук, расстегнутый поверх рубашки. Никаких военных знаков отличия.

В последний раз я видела его в форме пограничного командира.

Тогда он приехал к нам всего на один вечер, поссорился с Эдвином и уехал следующим утром.

— Роан, — произнесла я.

Он слегка кивнул.

— Не ожидал встретить тебя здесь.

— Взаимно.

Я посмотрела на папку.

На верхнем листе виднелась печать академии.

Роан заметил мой взгляд.

— Гражданская аттестация, — пояснил он. — Жду проверки.

— Ты вернулся со службы?

— Весной.

— Не знала.

— Мы давно не виделись.

С этим было трудно спорить.

Я поправила сумку.

— Что за аттестация?

— Испытания защитного снаряжения. Хочу получить право работать с гражданскими спасательными командами.

— Разве военного допуска недостаточно?

— Для некоторых работ нет. Военные требования отличаются от гражданских.

Он произнес это спокойно, без раздражения.

Я вспомнила, как Эдвин иногда говорил о брате.

«Роан привык командовать. Если ему не нравится устройство мира, он требует переписать правила».

Теперь выяснялось, что старший Крейн собирался сдавать экзамены по правилам, которые сам не устанавливал.

— А ты? — спросил он. — Заканчиваешь образование?

Я удивилась.

— Почему ты так решил?

Роан посмотрел на папку в моей руке.

— На обложке написано «Программа завершения образования». И у тебя на рукаве графит.

Я опустила глаза.

На темно-зеленой ткани действительно оставалось светлое пятно.

Наверное, от карандаша.

— Да, — сказала я. — Пытаюсь восстановиться.

— Получилось?

— Условно.

— В каком смысле?

— Практику признали. Теорию придется пересдавать.

— Что не устроило комиссию?

Я посмотрела на него с подозрением.

За последние недели я привыкла, что мужчины из семьи Крейнов задают вопросы не просто из любопытства.

— Расчет для влажных условий, — ответила я. — Недооценила влияние сырости на изолятор.

Роан коротко кивнул.

— Неприятная ошибка.

Я невольно нахмурилась.

— Спасибо, что заметил.

Он посмотрел на меня.

А потом неожиданно усмехнулся.

Улыбка изменила его лицо сильнее, чем я ожидала.

— Я не пытался тебя утешить.

— Это заметно.

— Если ошибку нашли на экзамене, а не после установки оборудования, день прошел довольно удачно.

Я уже открыла рот, чтобы ответить резко.

Но остановилась.

С его точки зрения это действительно было так.

Я вспомнила схему портового склада и собственные неправильные значения.

Если бы подобную ошибку допустили на реальном заказе, последствия могли оказаться куда неприятнее плохой отметки.

— Ладно, — сказала я. — С этой стороны ты прав.

Он посмотрел на мои бумаги.

— Что будешь делать?

— Учиться.

— Разумно.

Я чуть не рассмеялась.

В устах Эдвина это слово всегда звучало как требование согласиться с ним.

Роан, похоже, просто одобрил мой план.

Мимо прошла группа слушателей. Мы отступили ближе к стене, пропуская их.

Вблизи я заметила на его лице небольшую светлую полоску возле скулы. Старый шрам, которого раньше не помнила.

Он тоже внимательно посмотрел на меня.

— Слышал о разводе, — сказал наконец.

Улыбка исчезла с моего лица.

Конечно, слышал.

Именно этого я и ждала.

Сейчас он скажет, что ему жаль. Или что Эдвин всегда был таким. Или предложит семейное объяснение, которого я не просила.

— Соболезнования не требуются, — ответила я.

Роан приподнял бровь.

— Я не собирался их приносить.

— Тогда зачем упомянул?

Он помолчал.

— Чтобы ты не думала, будто я ничего не знаю и потом окажусь удивлен.

Я посмотрела на него.

Не самое деликатное объяснение.

Но, по крайней мере, прямое.

— Хорошо, — сказала я.

— Я не участвовал в вашем разводе.

— Знаю.

— И не собираюсь.

— Это радует.

Он снова усмехнулся.

В конце коридора открылась дверь. Служащий назвал фамилию Крейна.

Роан посмотрел туда.

— Моя очередь.

— Удачи.

— Спасибо.

Он сделал несколько шагов, потом остановился.

— Сабина.

Я обернулась.

— Ты заметила неисправность на практическом испытании?

Я нахмурилась.

— Откуда знаешь?

— Видел через окно, как ты разбирала узел. Остальные в тот момент уже готовились запускать образцы.

— Там было несколько дефектов.

— Значит, не зря разбирала.

И ушел.

Я некоторое время смотрела ему вслед.

Странный человек.

Умудрился за пять минут и раздражить меня, и сказать нечто приятное.

Хотя приятным его замечание, наверное, не задумывалось.

Я поправила сумку и пошла к лестнице.

Выйдя из корпуса, вспомнила о его вопросе.

Он видел, как я работала.

Не знал результатов.

Не имел причин меня хвалить.

Просто заметил, что я не стала спешить с испытанием и нашла неисправность.

Почему-то мне было приятно это помнить.

***

К концу недели выяснилось, что учеба требует от меня еще одного переезда.

Академическая программа для взрослых предусматривала места в небольшом жилом корпусе рядом с мастерскими.

За комнату и питание брали шесть серебряников в неделю.

Это было выгоднее, чем оставаться в доме переплетчика, особенно если учесть, сколько времени я тратила на дорогу.

Хозяйка моей временной комнаты отнеслась к новости спокойно.

— Предупредили заранее, и хорошо, — сказала она. — За первые дни рассчитаемся отдельно. Остальное доплачивать не нужно.

Я поблагодарила ее.

Вещи снова пришлось складывать в ящики.

На этот раз получилось быстрее.

У меня еще не было времени привыкнуть к новой комнате.

Взрослый жилой корпус академии оказался старым трехэтажным зданием с широкими лестницами и длинным коридором.

На первом этаже находились общая кухня и небольшая столовая. На втором и третьем — отдельные комнаты слушателей.

Из окон открывался вид на учебный двор.

Когда я подошла к двери с нужным номером, оказалось,

что замок заедает.

Я попробовала повернуть ключ.

Безуспешно.

Еще раз.

Ключ не двигался.

Я уже собиралась искать управляющую, когда из соседней комнаты вышла женщина с медными волосами, собранными в небрежный пучок.

На ней был рабочий фартук, покрытый светлой керамической пылью.

— Не пускает? — спросила она.

— Похоже, я ей не понравилась.

Женщина посмотрела на замок.

— У этой двери сложный характер. Нужно немного приподнять ручку, а потом повернуть ключ.

Я сделала, как она сказала.

Замок щелкнул.

— Спасибо.

— Не за что. Я Дора.

— Сабина.

— Новенькая?

— Только поступила.

— На взрослую программу?

— Да.

— Тогда добро пожаловать в общество людей, которые когда-то решили, что учеба им больше не нужна.

Я рассмеялась.

— Очень точное определение.

— Подожди до первой контрольной. После нее мы все начинаем подозревать, что были правы.

Дора помогла занести самый тяжелый ящик.

В моей новой комнате стояли узкая кровать, рабочий стол, шкаф и небольшой умывальник.

Мебель была старой, но крепкой.

На окне висели светлые занавески.

— Предыдущая жилица их оставила, — сообщила Дора. — Если не нравятся, можешь снять. Только не выбрасывай. Управляющая считает их достоянием корпуса.

Я потрогала ткань.

— Мне нравятся.

— Вот и прекрасно. С одним вопросом разобрались.

Она оглядела мои вещи.

— Ты конструктор?

— Прикладная защита.

— А я изоляторы делаю. Керамические. Сейчас работаю над составом, который меньше трескается при резких перепадах температуры.

— Это полезно.

— Очень. Особенно если удастся доказать, что он действительно меньше трескается, а не просто делает это чуть позже.

Она показала ладони.

На пальцах виднелись мелкие царапины.

— Третий день разбиваю образцы. Начинаю подозревать, что они делают это назло.

— Керамика вообще обладает неприятным характером, — заметила я. — Особенно когда ее перегревают.

Дора посмотрела на меня с явным интересом.

— Ты работала с керамическими изоляторами?

— Немного. В основном с креплениями защитных рам.

— Тогда, возможно, однажды сможешь посмотреть на мой образец. Мне кажется, проблема не в составе, а в том, как его зажимает оправа.

— Могу. Только заранее предупреждаю: с теорией у меня сейчас не все хорошо.

Она махнула рукой.

— С теорией у половины корпуса не все хорошо. Другая половина просто лучше скрывает.

Дора присела на край стула.

— Ты после большого перерыва?

— Одиннадцать лет.

Она тихо присвистнула.

— А я после восьми. Думала, что никогда больше не окажусь здесь.

— Почему вернулась?

— Хочу получить право самостоятельно утверждать изоляторы для оборудования. Сейчас могу делать почти все, но без диплома требуется чужая подпись. Устала платить за нее

и объяснять, почему мои расчеты проверяет человек, который не умеет работать с моей печью.

Я улыбнулась.

— Понимаю.

— Еще у меня есть маленькая мастерская дома. Если все получится, смогу расширить производство. А если нет, придется снова ездить к заказчикам с образцами и кланяться чужим мастерам.

Она сказала это без жалобы, как человек, который давно подсчитал собственные возможности.

Мне понравилось.

— А у тебя? — спросила Дора.

Я замялась.

Не хотелось начинать знакомство с подробностей развода.

— Тоже хочу получить диплом. Раньше работала в мастерской, теперь собираюсь самостоятельно.

— Понятно.

Она не спросила, почему ушла.

Не стала выяснять, что за мастерская.

Вместо этого поднялась.

— Через полчаса будут подавать ужин. Если пропустишь, останешься с хлебом и холодным супом. Проверено лично.

— Я успею.

— Тогда увидимся внизу. И не складывай тяжелые книги на верхнюю полку. Она держится на честном слове.

Она вышла.

Я посмотрела на шкаф.

Потрогала верхнюю полку.

Та действительно покачнулась.

Ничего удивительного.

В академии учили создавать сложные защитные устройства, но починить собственную мебель почему-то не спешили.

Я поставила книги ниже.

Потом села на кровать и огляделась.

Комната была меньше прежней спальни.

Здесь не было дорогого ковра, большого зеркала, мягкого кресла у окна.

Зато никто не мог войти без моего разрешения и сказать, что я неправильно распоряжаюсь своим временем.

Я достала расписание.

По нему выходило, что три дня в неделю придется посещать обновляющие занятия, еще два выделялись для практической работы и подготовки выпускного проекта.

Вечером оставалось время на самостоятельную учебу.

А где-то между всем этим нужно было зарабатывать деньги.

Я открыла тетрадь расходов.

Сумма за первый учебный взнос составляла сорок серебряников. Вторая половина должна была быть внесена позднее.

Комната с питанием — шесть серебряников в неделю.

Еще материалы, книги, бумага, инструменты.

Я подсчитала остаток.

Пока все было не так страшно, как мне казалось.

Но если я начну покупать дорогие образцы или ошибусь с расчетом расходов, деньги закончатся быстрее.

Мне нужна была подработка.

В академии существовала вспомогательная мастерская, где взрослые слушатели могли получать небольшие заказы. Я решила узнать условия.

Потом взяла чистый лист и написала:

«Что я умею».

Задумалась.

Разумеется, умела я многое.

Но впервые за долгое время пришлось перечислять навыки не для того, чтобы помочь Эдвину составить описание услуг мастерской.

Для себя.

Я записала работу с креплениями, сборку защитных рам, проверку узлов, составление испытательных журналов.

Добавила работу с инструментами и настройку механических соединений.

Список получился длинным.

Я посмотрела на него и вдруг почувствовала себя немного увереннее.

Возможно, диплома у меня пока не было.

Но и с пустыми руками я сюда не пришла.

***

Ужин в общей столовой оказался шумным.

За длинными столами сидели люди разного возраста. Кто-то спорил о предстоящих занятиях, кто-то обсуждал работу, кто-то жаловался на слишком жесткий хлеб.

Дора помахала мне рукой.

Рядом с ней оставалось свободное место.

— Садись, пока не заняли. Сегодня запеканка. Вчера был суп, который можно было использовать вместо клея.

Я поставила поднос.

— Ты всегда так отзываешься о местной еде?

— Только когда она этого заслуживает.

На другом конце стола мужчина лет сорока рассмеялся.

— Дора, ты обещала больше не жаловаться на ужины.

— Я обещала не жаловаться повару. С тобой у меня отдельный разговор.

За столом заговорили о практических испытаниях.

Я слушала, иногда отвечала на вопросы, старалась запомнить имена.

Один из слушателей занимался ремонтом подъемных механизмов. Другая женщина много лет работала в сельской лечебнице и теперь получала квалификацию по защитному оборудованию для перевозки раненых.

Никто не интересовался, была ли я замужем.

Никто не спрашивал, почему у меня нет детей.

Один мужчина хотел узнать, умею ли я чинить старые

складные рамы. Другой посоветовал не покупать новые учебники, пока не посмотрю список литературы в библиотеке.

Мне впервые за последние дни стало легко поддерживать разговор.

Не нужно было объяснять свое присутствие.

Не нужно было улыбаться знакомым Эдвина.

Я просто сидела за столом среди людей, которые тоже пытались чему-то научиться.

После ужина Дора предложила показать дорогу к библиотеке.

Мы вышли во двор.

Солнце уже садилось за крыши учебных корпусов. На дорожках горели небольшие магические фонари. От мастерских доносился металлический стук.

— Ты давно здесь живешь? — спросила я.

— Почти месяц. Приехала заранее, потому что нужно было закончить несколько заказов в городе.

— А твоя мастерская?

— Осталась дома. Ею пока занимается сестра. Она вполне справляется, только каждый второй день присылает мне письмо с жалобами на заказчиков.

— Понимаю ее.

— Я тоже. Поэтому отвечаю, что заказчики всегда были такими, просто раньше я жаловалась первой.

Мы рассмеялись.

Дора показала, где можно купить бумагу дешевле, где принимают заказы на небольшую подработку и какой переход лучше обходить во время дождя.

— Там с крыши течет, — объяснила она. — Каждую осень обещают починить. Каждую весну забывают.

— Академии нужны новые специалисты по защите от воды.

— Академии нужен мастер, который умеет пользоваться молотком.

Возле библиотеки она остановилась.

— Мне пора в мастерскую. Остался образец на вечерней проверке.

— Спасибо, что показала дорогу.

— Обращайся. Только если соберешься заниматься до полуночи, бери что-нибудь поесть. Здесь многие считают голод отличным способом повысить успеваемость. Потом падают в обморок на практических.

Она ушла.

Я осталась возле библиотеки.

За стеклянными дверями виднелись ряды столов и высокие шкафы.

Там было светло.

Я вошла.

Библиотекарь выдала мне читательский номер и помогла найти новый учебник по условиям работы защитных материалов.

Книга оказалась тяжелой.

Я устроилась за столом возле окна и открыла главу о влажности.

На третьей странице нашла именно ту зависимость, которую не учла во время проверки.

На пятой поняла, что забыла еще кое-что.

На седьмой перестала злиться на себя.

Ошибки были настоящими.

Но и исправить их оказалось возможно.

Я выписала основные положения и решила повторить расчеты самостоятельно.

Когда библиотекарь предупредила о закрытии, я уже почти закончила.

На улице было темно.

Возвращаясь в жилой корпус, я вдруг поняла, что за весь вечер ни разу не подумала о том, где сейчас Эдвин.

Это открытие было неожиданным.

И немного болезненным.

Потому что я все еще любила его.

По крайней мере ту часть человека, которую помнила по нашему браку.

Иногда мне хотелось узнать, что он делает, с кем ужинает, вспоминает ли меня.

Но сегодня у меня были другие мысли.

О влажности.

О расчетах.

О том, сколько времени потребуется на обновляющий курс.

И о том, что завтра утром нужно узнать условия подработки.

Я поднялась к себе, поставила книгу на стол и легла спать.

Впервые за долгое время меня утомили не чужие проблемы.

Свои собственные.

***

Общий инструктаж назначили на конец недели.

К тому времени я успела оплатить первую половину учебы, получить доступ в мастерские и узнать, что подработку можно начать после оформления практической темы.

Условия были простыми: четыре серебряника за полную неделю вспомогательных работ, если слушатель выполнял установленный объем и не пропускал занятия.

Мне подходило.

Дора уже работала там по вечерам. Она уверяла, что особых денег не заработаешь, зато можно купить материалы, не тратя последние сбережения.

Я записалась в очередь.

На инструктаж пришли почти все взрослые слушатели.

Большой зал находился в новом корпусе, которого во времена моей учебы еще не существовало. Вдоль стен стояли демонстрационные образцы защитного оборудования. На дальней стороне висела огромная схема учебного полигона.

Я остановилась возле нее.

Площадка для проверки складных рам.

Участок с мелкой осыпью.

Помещение для испытаний накопителей.

Маршрут эвакуации.

Внизу мелкими буквами было написано, что все испытания проводятся под контролем сотрудников академии и с обязательным использованием наружных защитных контуров.

— Красиво нарисовано, — заметила Дора. — Надеюсь, на месте все так же понятно.

— В прошлые годы полигон был меньше.

— Ты здесь уже училась?

— Да.

— А я думала, почему ты не удивилась состоянию лестниц.

Я улыбнулась.

В зал вошла Эстер Ланге.

Следом за ней шел крепкий мужчина лет сорока семи с коротко подстриженными волосами. На нем была рабочая куртка с нашивкой академической испытательной службы.

Он нес деревянный ящик.

Эстер поднялась на небольшое возвышение.

— Доброе утро. Сегодня мы разберем порядок осеннего цикла, требования к выпускным работам и правила участия в открытом конкурсе.

Мужчина поставил ящик на стол.

— Это Брен Астер, — продолжила Эстер. — Штатный гражданский испытатель академии. Он отвечает за подготовку операторов и проведение практических проверок.

Брен кивнул нам.

— Сразу предупреждаю, — сказал он. — Если устройство развалится во время испытания, виноват будет не тот, кто слишком громко кричал, а тот, кто неправильно его подготовил. Кричать, впрочем, тоже не советую.

В зале рассмеялись.

Эстер дождалась тишины.

— Начнем с самого важного. В этом цикле у нас три разных вида оценки.

Она написала на доске:

«Образование».

«Испытательное партнерство».

«Конкурс».

— Не путайте их. Для диплома требуется освоить установленные дисциплины и защитить самостоятельную выпускную работу. Для испытания некоторых конструкций нужен оператор с подходящей квалификацией. Это может быть ваш напарник или штатный специалист академии. Открытый конкурс — отдельное мероприятие. Победа в нем не заменяет учебные требования, а проигрыш сам по себе не лишает вас диплома.

Я внимательно переписала все три пункта.

Мне стало спокойнее.

Я не собиралась непременно побеждать в конкурсе.

Мне нужен был диплом.

И возможность доказать, что я умею самостоятельно создавать полезные вещи.

Эстер продолжила:

— Для работ, требующих полевых испытаний, допускается партнерство конструктора и оператора. Оно оформляется письменно. В документе указываются права на разработку, обязанности сторон и порядок использования результатов.

С заднего ряда подняли руку.

— А если напарник откажется продолжать работу?

— Его можно заменить. Срок подачи заявления о замене указан в календаре программы. Последний день — семьдесят пятый день цикла.

Я сделала пометку.

Эстер указала на Брена.

— При необходимости академия предоставляет штатного испытателя. Его участие входит в установленный порядок обучения, но время нужно бронировать заранее.

Брен открыл ящик.

Внутри лежала небольшая складная рама.

— Покажу на примере, — сказал он.

Он поставил устройство на стол и разложил опоры.

— Допустим, мастер создал защиту для спасателей. Сам он прекрасно понимает, как она работает. Но устройство

должен использовать другой человек. Человек, который может быть усталым, испуганным, в перчатках и в плохую погоду.

Он протянул раму женщине из первого ряда.

— Попробуйте раскрыть.

Она взяла устройство и потянула за рукоять.

Ничего не произошло.

Попробовала снова.

Рама раскрылась наполовину и остановилась.

— Здесь есть фиксатор, — пояснил Брен. — Но если не знать, где он находится, можно потратить слишком много времени.

Он показал маленькую металлическую кнопку.

— Конструктор обязан учитывать не только то, что устройство может сделать, но и то, насколько надежно им сможет пользоваться человек.

Я машинально провела пальцем по старому следу от напильника на большом пальце.

Эстер когда-то говорила почти то же самое.

Тогда я считала это придиркой.

Сейчас за одиннадцать лет работы успела увидеть достаточно людей, которые повреждали оборудование просто потому, что не могли разобраться с неудобным креплением.

Брен передал раму другому слушателю.

— А теперь попробуйте сложить ее обратно.

Мужчина справился быстро.

— Видите? — сказал Брен. — Для разных людей одна и та же конструкция может оказаться совершенно разной по сложности.

Эстер продолжила рассказ о конкурсе.

Финальное решение должна была принимать независимая комиссия из двух приглашенных мастеров и гражданского инспектора.

Оценивались безопасность, повторяемость, доступность изготовления, скорость и удобство использования.

Каждому критерию соответствовало определенное количество баллов.

Безопасность и надежность давали сорок.

Повторяемость — двадцать пять.

Доступность изготовления — двадцать.

Скорость и удобство — пятнадцать.

Я переписала числа.

На соседнем столе Дора рисовала маленькие квадратики возле каждого пункта.

— Это что? — шепотом спросила я.

— Мой способ не забыть, что красивый образец не обязательно хороший.

— Помогает?

— Нет. Но выглядит убедительно.

Я едва удержалась от смеха.

Эстер попросила внимания.

На доске появился список возможных направлений вы-

пускных работ.

Защитные устройства для мастерских.

Переносное спасательное оборудование.

Системы безопасности для складов.

Устройства контроля нагрузки.

Защитные материалы.

Я внимательно читала каждую строку.

Стационарные системы сразу вызвали неприятное чувство.

Именно ими мы много лет занимались с Эдвином. Я могла бы выбрать знакомую тему, использовать свой опыт и чувствовать себя увереннее.

Но слишком многое напоминало бы прежнюю работу.

К тому же мне не хотелось снова доказывать, что я способна делать то, что уже делала.

Я посмотрела на направление переносного спасательного оборудования.

В голове возникла смутная мысль.

Еще без формы.

Без чертежа.

Просто возможность.

— У нас появились новые запросы от гражданских служб, — сказала Эстер. — Особенно интересуют решения, доступные людям с небольшим магическим запасом. Армейские устройства часто слишком тяжелы, дороги или требуют подготовленного оператора.

Я подняла голову.

Брен показал следующий образец.

На этот раз это был громоздкий защитный щит.

Он состоял из тяжелой металлической рамы и крупного накопителя.

— Эта модель отлично работает в руках опытного боевого мага, — пояснил он. — Но обычный спасатель не сможет долго ее удерживать. А если потребуется переносить раненого, понадобятся дополнительные люди.

Он поднял щит, показывая его вес.

Мне сразу стало понятно, о чем речь.

Один человек держит защиту.

Второй помогает пострадавшему.

Третий несет инструменты.

Но если людей мало?

Если нужно пройти всего несколько шагов через опасный участок?

Я представила узкий проход, заваленный каменной крошкой.

Не огромный обвал.

Не разрушенное здание.

Просто участок, где сверху продолжают сыпаться мелкие обломки, а раненого нужно быстро перенести в безопасное место.

Для такой задачи не требовался огромный армейский щит.

Требовалось что-то легче.

Надежнее.

И понятнее.

— Госпожа Оррел?

Я вздрогнула.

Эстер смотрела на меня.

— У вас вопрос?

— Да. Переносные защитные устройства для гражданских спасателей могут быть выпускной темой?

— Разумеется, если работа соответствует требованиям.

— Даже если конструкция рассчитана только на ограниченное время действия?

— Ограничение допустимо, если оно обосновано и честно указано в документации.

Брен повернулся ко мне.

— Вы рассматриваете переносной экран?

— Пока только думаю.

— Тогда сначала определите, от чего именно он должен защищать. Не пытайтесь сделать устройство на все случаи жизни.

Я кивнула.

Это было разумно.

Именно так мы когда-то начинали хорошие разработки.

Сначала задача.

Потом ограничения.

И только потом конструкция.

Эстер перешла к срокам.

Через несколько дней необходимо было представить тему и предварительный план. Затем начинались лабораторные проверки. Первый открытый этап приходился на конец месяца.

Для тех, кому требовался оператор, составлялся отдельный список.

Я внимательно слушала.

Магический запас у меня был небольшой.

Хватало для настройки и запуска простых устройств, но не для серьезной полевой проверки крупного защитного оборудования.

Это означало, что одной мне будет трудно.

Нужен был человек, который умеет работать с испытательными конструкциями в сложных условиях.

Не просто сильный маг.

Настоящий испытатель.

Человек, способный заметить опасность раньше, чем она приведет к ошибке.

Я сделала еще одну пометку.

«Найти оператора».

***

После инструктажа я задержалась возле стенда с описанием гражданских задач.

Там висели несколько коротких отчетов спасательных служб.

Один рассказывал о пожаре в складском помещении, другой — о повреждении моста после сильного дождя.

Третий привлек мое внимание.

Небольшой обвал на горной дороге.

Спасатели смогли добраться до пострадавшего, но эвакуацию пришлось задержать, потому что сверху продолжала осыпаться каменная крошка.

Тяжелую защиту привезли слишком поздно.

Я перечитала отчет.

Затем посмотрела на схему.

Расстояние до безопасного участка было небольшим.

Но именно эти несколько шагов оказались самой трудной частью.

Мне вдруг захотелось взять карандаш и начать чертить прямо на стенде.

Я удержалась.

Сначала нужно было подумать.

Что может работать в таких условиях?

Легкая рама.

Заранее заряженный накопитель.

Защита только спереди и сверху, чтобы не тратить энергию на ненужные стороны.

Короткое время действия.

Механизм, который легко раскрыть и удерживать.

Я представила, как спасатель работает в перчатках.

Как другой человек тянет салазки с пострадавшим.

Как им нужно двигаться ровно, не теряя времени на сложные команды.

Мысль постепенно становилась яснее.

Я достала тетрадь.

На чистом листе написала:

«Переносная защита для эвакуации через короткий опасный участок».

Потом добавила:

«Оператор с небольшим магическим запасом».

Я посмотрела на эти строки.

В них было что-то настоящее.

Никакой попытки построить самый мощный защитный экран.

Никакого соревнования с Эдвином.

Просто устройство, которое могло пригодиться людям.

— Интересная задача.

Я подняла голову.

Рядом стоял Брен Астер.

Он посмотрел не на тетрадь, а на отчет.

— Горная дорога? — спросил он.

— Да.

— Сложный случай. Но вы правильно заметили: там нужна была не огромная защита, а возможность быстро пройти небольшое расстояние.

Я закрыла тетрадь не потому, что хотела скрыть мысли.

Просто пока они были слишком сырыми.

— Думаю о складной раме, — сказала я. — Но не уверена, насколько устойчивой получится конструкция.

— Это придется проверить.

— Мне понадобится оператор.

Брен кивнул.

— Для полевых испытаний — да. В лаборатории часть работы сможете выполнить самостоятельно, но на маршруте нужен человек с подготовкой.

— Академия предоставляет таких специалистов?

— Предоставляет штатного испытателя, если работа соответствует правилам и есть свободное время. Но многие взрослые слушатели выбирают партнеров среди тех, кто проходит гражданскую аттестацию.

Я задумалась.

— А если партнер окажется неподходящим?

— Тогда лучше узнать об этом до подписания соглашения.

Он произнес это совершенно серьезно.

Я улыбнулась.

— Хороший совет.

— Очень дорогой. Некоторым его приходится давать после того, как они уже потратили половину учебного цикла.

Он снова посмотрел на отчет.

— Только не спешите сразу рисовать красивую конструкцию. Сначала составьте список ситуаций, в которых она должна работать, и тех, в которых ее использовать нельзя.

Я кивнула.

— Спасибо.

— И еще. Когда выберете оператора, попросите его испытать не только исправный образец. Хороший испытатель должен понимать, что произойдет, если устройство поведет себя не так, как рассчитывал мастер.

Он ушел.

Я осталась возле стенда.

Вспомнила практическую проверку.

Неисправную скобу.

Недостающую шайбу.

Дрожь направляющей на восьмой секунде.

Вспомнила собственную ошибку в теории.

Если я собиралась создать защитное устройство, нужно было учитывать не только те условия, с которыми я привыкла работать.

Это будет трудно.

Но почему-то впервые за долгое время трудность меня не останавливала.

Я открыла тетрадь еще раз.

Написала:

«Не начинать с готового решения».

Подчеркнула.

Затем посмотрела на список специалистов по полевым испытаниям.

Он висел на соседней доске.

Несколько имен были мне незнакомы.

В конце находились слушатели программы гражданской аттестации.

Я пробежала глазами перечень.

И остановилась.

«Крейн Роан. Полевые испытания защитного снаряжения. Бывший командир пограничного отряда».

Я перечитала запись.

Потом медленно закрыла тетрадь.

Конечно.

Из всех людей, которых я могла встретить в академии после развода, один из самых подходящих испытателей для моей будущей работы оказался старшим братом бывшего мужа.

Я посмотрела на его фамилию.

О совместной работе мы еще не говорили. Я даже не знала, заинтересуется ли он моей задачей.

И все-таки пришлось признать неприятную вещь.

Если забыть о родстве, опыт у Роана был именно тот, который мне требовался.

Он много лет проверял снаряжение в условиях, где ошибка стоила слишком дорого.

Умел работать с защитой.

И, судя по нашей короткой встрече, не собирался хвалить меня только ради того, чтобы сделать приятное.

Я вспомнила, как он сказал об ошибке на экзамене.

«Если ошибку нашли до установки оборудования, день

прошел довольно удачно».

Тогда его слова раздражали.

Теперь я понимала их лучше.

Список слегка колыхнулся от сквозняка.

Я убрала карандаш в сумку и пошла в жилой корпус.

Мне предстояло выбрать тему, подготовить предварительные расчеты и найти человека для испытаний.

Одна фамилия в списке подходила слишком хорошо.

И слишком плохо одновременно.

Глава 3. В паре с Крейном

Увидеть свое имя в старом учебном журнале оказалось приятно.

Обнаружить собственную работу под чужим именем — гораздо менее приятно.

Я стояла у библиотечного стола, держа раскрытый пятый том «Вестника прикладной магии», и смотрела на знакомый чертеж.

Статья называлась «Крепление стационарного защитного экрана».

Автор — Эдвин Крейн.

Год публикации — шестьсот седьмой.

Я прекрасно помнила этот год.

Мы тогда получили заказ на оборудование для городского зернового склада. Эдвин занимался энергетическим узлом, а мне досталась рама, которую требовалось закрепить на старой каменной стене.

Обычные крепления не подходили. При длительной работе экран слегка смещался, и нагрузка передавалась на крайний кронштейн. Через несколько часов тот начинал деформироваться.

Я потратила почти три недели, прежде чем нашла решение.

Перебрала семь вариантов.

Испортила два комплекта дорогих деталей.

А однажды так увлеклась испытаниями, что забыла о годовщине нашей свадьбы.

Эдвин тогда принес ужин прямо в мастерскую и сказал, что лучшего подарка ему не нужно.

«Вот закончим, и обязательно напишем статью», — пообещал он.

Мы написали.

Вернее, написали вместе, а опубликовал он.

Я провела пальцем по рисунку.

Третий чертеж на странице был моим.

Не похожим на мой.

Не выполненным по моей идее.

Моим.

Я помнила, как исправляла угол крепления и трижды перерисовывала поперечный разрез, чтобы было видно положение внутренней прокладки.

Даже маленькая неровность возле нижней опоры сохранилась. В редакции ее аккуратно перенесли на чистовой рисунок, не заметив, что линия получилась толще остальных.

Тогда я не возражала против публикации под именем Эдвина.

Он объяснил, что профессиональные журналы охотнее принимают работы дипломированных мастеров. Пообещал, что в следующей статье мы обязательно укажем обоих авторов.

Я согласилась.

Мне казалось, что нет смысла спорить из-за фамилии.

Ведь мы муж и жена.

Теперь передо мной лежал журнал, который преподаватели академии предлагали студентам в качестве учебного материала.

И мое решение изучали как работу Эдвина Крейна.

— Вы закончили с томом?

Я вздрогнула.

Возле стола стояла библиотекарь.

— Почти.

— Мне нужно вернуть его на полку до вечерней выдачи. Если хотите, можете заказать копию отдельных страниц.

Я посмотрела на журнал.

— А можно переписать выходные данные?

— Конечно.

Я открыла тетрадь.

Записала название, год, номер выпуска и страницы.

Перо двигалось медленно.

Хотелось перечеркнуть фамилию Эдвина и написать рядом свою.

Я даже представила, как это сделаю.

Большими буквами.

Черными чернилами.

Чтобы никто больше не перепутал.

Но журнал принадлежал академии, а библиотекарь совер-

шенно не была виновата в том, что пять лет назад я согласилась молчать.

Я закрыла том.

— Спасибо. Можете забрать.

Она унесла книгу.

Я осталась за столом.

Впереди лежала стопка материалов для новой выпускной работы. Я принесла их, чтобы разобраться в требованиях к переносным защитным системам.

Однако теперь никак не могла заставить себя открыть следующую книгу.

Мне вспомнился вечер после публикации статьи.

Эдвин пришел домой с журналом, поставил его на стол и с довольным видом показал страницу.

Я обрадовалась.

Поцеловала его.

А потом спросила, почему моего имени нет рядом.

«Не начинай, Сабина. Мы же оба знаем, сколько ты сделала».

Он сказал это с такой уверенностью, что я почувствовала себя мелочной.

Через неделю журнал лежал на видном месте в его кабинете.

Через год статью начали цитировать.

Еще через два года Эдвина пригласили читать лекции.

Я продолжала работать в мастерской.

Однажды мне даже пришлось объяснять молодому помощнику, как устроено крепление из знаменитой статьи господина Крейна.

Помощник тогда восхищенно спросил:

«Вы что, учились у самого мастера?»

Я ответила, что мы работаем вместе.

И почему-то этим ограничилась.

— Сабина?

Я подняла голову.

Возле стола стояла Дора с охапкой книг и таким выражением лица, будто собиралась уронить их прямо на меня.

— Можешь помочь? У меня сейчас отвалятся руки.

Я поспешно встала.

Мы вдвоем опустили стопку на стол.

Дора выдохнула.

— В следующий раз возьму тележку. Или попрошу библиотекаря выдать книги по одной.

— Ты собираешься все это прочитать?

— Нет. Я собираюсь разложить их вокруг себя и надеяться, что знания постепенно перейдут в голову.

Я улыбнулась.

Она придвинула стул и посмотрела на мои записи.

— Нашла что-нибудь полезное?

— Пока только старую статью.

— По твоей теме?

— Отчасти.

Дора заметила мое настроение.

Но, к ее чести, не стала немедленно расспрашивать.

— Мне сегодня нужно закончить расчеты изоляторов, — сказала она. — Если будешь здесь еще час, можем потом вместе поужинать.

— Хорошо.

Она села напротив и открыла книгу.

Я взяла свой первый чистый лист.

Старую статью следовало оставить в прошлом хотя бы на ближайшие несколько часов.

Впереди у меня была собственная работа.

И на этот раз я собиралась очень внимательно следить за тем, чье имя окажется на первой странице.

***

Сначала я попыталась нарисовать защитный экран.

Получилось плохо.

На листе появилась громоздкая рама, очень похожая на уменьшенный армейский щит. Я прикинула вес и поняла, что обычный спасатель проклянет меня еще до первого включения.

Четыре тяжелые опоры, крупный накопитель, две поперечные балки.

Красиво.

Совершенно непрактично.

Я перечеркнула рисунок.

Вторая конструкция вышла легче, но ее было невозможно

удобно держать при переноске пострадавшего.

Третья складывалась, однако в раскрытом состоянии занимала слишком много места.

На четвертой я остановилась.

Вместо того чтобы продолжать рисовать, вспомнила совет Брена.

Сначала задача.

Потом ограничения.

И только после этого конструкция.

Я перевернула лист.

Написала:

«Для чего требуется защита?»

Ниже:

«Перенести пострадавшего через короткий участок с мелкими падающими обломками».

Затем стала перечислять все, чего устройство не должно делать.

Оно не предназначалось для защиты от крупного обвала.

Не могло удерживать обрушивающийся потолок.

Не должно было использоваться в густом дыму или при непрерывном пламени.

Не могло заменять тяжелое спасательное оборудование.

Я задумалась.

Пожалуй, если бы эти ограничения увидел Эдвин, он немедленно заявил бы, что я придумываю слишком слабую конструкцию.

Он любил мощные устройства.

Чем больше накопитель, чем внушительнее рама, тем лучше изделие смотрелось на показательных испытаниях.

Но я вспомнила отчет о горной дороге.

Там не требовалась огромная защита.

Требовалось провести раненого через несколько опасных шагов.

Я написала еще одну строку:

«Работает в руках спасателя с небольшим магическим запасом».

Вот теперь задача начала приобретать смысл.

Не нужно создавать огромное количество энергии. Можно использовать заранее заряженную пластину.

Не нужна защита со всех сторон. Достаточно закрыть людей спереди и сверху, оставив возможность двигаться.

Не требуется много времени. Пятнадцати секунд хватило бы для короткого перехода, если заранее выбрать безопасное место остановки.

Я подчеркнула число.

Пятнадцать секунд.

Пока это было только предположение.

Я еще не знала, получится ли создать достаточно легкую конструкцию с таким временем работы.

И не знала, сколько она будет охлаждаться после включения.

Но впервые за утро мне захотелось продолжить.

Я начала новый рисунок.

Складная рама.

Две рукояти.

Пластина в нижнем креплении.

Механическая фиксация.

Я попробовала представить, как спасатель раскрывает устройство.

Одной рукой?

Неудобно.

Двумя?

Тогда в это время другой человек должен удерживать салазки с пострадавшим.

Ничего страшного. Для такой эвакуации все равно требовались двое.

Я добавила вторую рукоять.

Вычеркнула слишком сложный замок.

Попробовала иной угол расположения опор.

Когда подняла голову, Дора уже смотрела на меня поверх книги.

— Ты сейчас разговаривала с чертежом?

Я моргнула.

— Что?

— Сначала сказала ему, что он неудобный. Потом велела не упрямиться.

Я почувствовала, как краснею.

— Бывает.

— У меня тоже. Иногда даже ругаюсь с изоляторами.

Она наклонилась ближе.

— Что это?

— Переносной защитный экран.

— Для кого?

— Для гражданских спасателей.

Дора внимательно посмотрела на рисунок.

— А почему он такой узкий?

— Потому что не должен защищать целую площадь. Только людей, которые проходят небольшой опасный участок.

— Понятно.

Она еще немного изучала лист.

— А не слишком ли близко расположены рукояти?

Я посмотрела на чертеж.

Действительно.

Если оператор наденет толстые перчатки, пальцы могут упираться в край рамы.

Я отодвинула рукояти.

— Спасибо.

— Не за что. Только не спрашивай у меня про энергию. Я сегодня три часа разбиралась, почему мои новые изоляторы трескаются при охлаждении.

— Выяснила?

Дора мрачно посмотрела на свои книги.

— Да. Потому что я взяла неподходящую оправу. И теперь мне нужно объяснить сестре, почему мы зря испортили

двенадцать заготовок.

Я рассмеялась.

— Может, сначала поужинаем?

— Вот это предложение я поддерживаю.

***

На следующий день я принесла эскиз профессору Ланге.

Эстер просматривала заявки на выпускные работы в небольшой аудитории возле мастерских.

Перед ее столом стояла очередь.

Пока я ждала, успела трижды проверить написанное и один раз пожалеть, что не выбрала что-нибудь знакомое.

Например, крепление стационарной рамы.

Там я хотя бы представляла большинство возможных неприятностей.

С переносным экраном все было иначе.

Мне предстояло не просто уменьшить обычную конструкцию, а придумать устройство, которым смогут пользоваться люди без специальной боевой подготовки.

— Оррел, — назвала Эстер.

Я подошла.

Она взяла листы.

— Переносная защитная система для короткой эвакуации, — прочитала она. — Почему выбрали именно это?

Я рассказала об отчете с горной дороги.

О тяжелых армейских устройствах.

О спасателях с небольшим магическим запасом.

Эстер слушала молча.

Когда я закончила, она положила эскиз на стол.

— Вы уже определили, от чего не собираетесь защищать людей?

— Да.

Я показала перечень.

Она прочитала его.

— Хорошо, что указали ограничения. Но у вас пока слишком много предположений.

— Я понимаю.

— Пятнадцать секунд — откуда эта цифра?

— Предварительная оценка времени короткого перехода. Мне нужно проверить ее на маршруте. Если потребуется больше, придется менять условия применения, а не просто обещать, что накопителя хватит.

Эстер посмотрела на меня внимательнее.

— И сколько, по-вашему, будет весить рама?

— Хотелось бы уложиться примерно в четыре килограмма.

— Хотелось бы?

— Пока я не подобрала окончательные материалы.

— Тогда не называйте это установленным весом.

Я взяла карандаш и исправила формулировку.

Эстер продолжила:

— Как будете обеспечивать охлаждение?

— Еще не рассчитала. Предполагаю раздельный тепловой

отвод и механическую блокировку повторного включения.

— Вы понимаете, что в таком случае новая пластина не должна позволять запускать горячую раму?

— Да. Иначе пользователь может решить, что достаточно сменить заряд.

— Вот это уже похоже на инженерную задачу.

Она вернула мне листы.

— Тему принимаю к предварительной разработке. Зарегистрируйте ее в канцелярии. До первого стендового этапа потребуется рабочий образец, журнал и программа испытаний.

Я выдохнула.

— Спасибо.

— И найдите оператора.

— Работаю над этим.

Эстер посмотрела на мой эскиз.

— Сабина, я хочу, чтобы вы понимали одну вещь. Новый проект не обязан быть сложнее всего, что вы делали прежде. Он должен быть обоснован.

— Понимаю.

— Тогда не пытайтесь произвести впечатление количеством деталей.

Я улыбнулась.

— Постараюсь.

В канцелярии мою тему зарегистрировали под новым номером.

Мне выдали плотную тетрадь испытательного журнала с пронумерованными страницами. Первую запись следовало сделать в день начала разработки.

Я открыла ее прямо возле стойки.

«Сабина Оррел. Переносной защитный экран для гражданской эвакуации».

Ниже указала дату.

Только после этого убрала журнал в сумку.

На этот раз мне не хотелось ничего оставлять без подписи.

***

Роан Крейн нашел меня в мастерской на следующее утро.

Я сидела над разложенной рамой из тонких деревянных планок и пыталась понять, как заставить ее складываться без перекоса.

Для проверки формы дерево подходило лучше дорогого металла. Если соединение окажется неудачным, переделка обойдется почти даром.

Я уже успела сломать одну планку.

Вторую спасла только потому, что вовремя заметила перекос.

— Выглядит неудобно.

Я подняла голову.

Роан стоял возле моего стола.

На нем была темная рабочая рубашка с закатанными рукавами. Я впервые заметила, насколько крупными у него были кисти рук.

Если бы он взял мою маленькую раму, она показалась бы игрушечной.

— Доброе утро, — сказала я.

— Доброе.

Он посмотрел на конструкцию.

— Ты собираешься держать ее вот так?

— Пока собираюсь понять, как она должна раскрываться.

— Тогда тебе стоит увеличить расстояние между рукоятями.

Я приподняла бровь.

— Ты пришел сообщить мне об этом?

— Не только.

Он поставил на край стола папку.

Я посмотрела на нее, потом на него.

— Слушаю.

— Видел зарегистрированную тему. Тебе понадобится полевой испытатель.

Я не стала притворяться, будто не понимаю, к чему он ведет.

— Понадобится.

— Мне нужна гражданская практика с защитным оборудованием. Можно совместить.

Я положила карандаш.

— Ты предлагаешь партнерство?

— Да.

Он произнес это так просто, будто предлагал передать мне

линейку.

Я посмотрела на него внимательнее.

В последний раз мы разговаривали несколько дней назад, после моей вступительной проверки.

До этого Роан был для меня прежде всего старшим братом мужа.

С человеком, который мог бы стать моим напарником, я была почти не знакома.

— Почему именно моя работа? — спросила я.

— У тебя задача для обычных спасателей, а не для боевых магов. Мне как раз нужно подтвердить навыки испытания гражданского снаряжения.

— Здесь есть и другие проекты.

— Есть.

— И другие испытатели.

— Разумеется.

Я ждала продолжения.

Роан посмотрел на деревянную раму.

— Ты разрабатываешь устройство, у которого должны быть понятные ограничения. На практической проверке ты остановилась, когда обнаружила ненадежное соединение. Для меня это хороший признак.

Я невольно вспомнила тот день.

— Ты видел только часть испытания.

— Верно. Поэтому предлагаю сначала попробовать поработать вместе, а не немедленно подписывать соглашение.

Разумно.

Опять это слово.

С семьей Крейнов у меня постепенно складывались сложные отношения, но способность предлагать разумные вещи у обоих братьев явно была наследственной.

Я взяла одну из планок.

— Ты знаешь, что я была замужем за Эдвином?

Роан посмотрел на меня.

— Сабина, я присутствовал на вашей свадьбе.

— Тогда ты понимаешь, почему мне не хочется снова связывать свою работу с фамилией Крейн.

Он не ответил сразу.

Я заметила, как напряглись его скулы.

— Понимаю, — сказал он наконец.

— И знаешь, что вы с братом несколько лет почти не общаетесь.

— Знаю.

— Тогда спрошу прямо. Твое предложение связано с вашей ссорой?

Роан посмотрел мне в глаза.

— Твой проект подходит для моей аттестации. У тебя практический опыт, у меня полевой. Остальное к испытаниям отношения не имеет.

Ответ прозвучал уверенно.

Но я заметила, что он так и не произнес прямого «нет».

— Это не совсем то, о чем я спросила, — сказала я.

— Я не предлагаю тебе участвовать в наших семейных делах.

— Хорошо. Потому что не собираюсь.

— Я понял.

Он говорил спокойно.

И все же мне показалось, что разговор ему неприятен.

Впрочем, обсуждать отношения с младшим братом ему действительно было незачем.

Я сама едва выдерживала упоминание Эдвина.

— Что именно ты хочешь делать? — спросила я.

Роан раскрыл папку.

Там лежало расписание его гражданской аттестации и перечень требований.

— Мне нужно подтвердить работу с устройствами, предназначенными для неподготовленных пользователей. Составление программы испытаний, проверка опасных отказов, оценка нагрузки и полевой этап.

— А мне нужен человек, который сможет проверить конструкцию вне мастерской.

— Именно.

— И ты готов работать с устройством, которое пока существует только на бумаге и в виде этих палок?

Он посмотрел на мою сломанную планку.

— Пока не уверен, что оно даже в виде палок работает.

Я невольно улыбнулась.

— Очень ободряюще.

— Могу сказать, что выглядит прекрасно, но тогда тебе придется искать другого испытателя.

Я рассмеялась.

На этот раз неожиданно для себя.

Роан чуть приподнял уголок рта.

И впервые за все время нашего разговора мне стало любопытно, каким он бывает, когда не пытается выглядеть настолько серьезным.

— Хорошо, — сказала я. — Пробная работа. Без обязательств. Если не сработаемся, каждый пойдет своим путем.

— Согласен.

— И еще. Мне не нужен человек, который будет принимать решения вместо меня.

— А мне не нужен мастер, который заставит испытывать неисправное оборудование ради красивого результата.

Мы посмотрели друг на друга.

— Похоже, — сказала я, — у нас есть некоторые основания для сотрудничества.

— Проверим.

***

Пробное испытание назначили на следующий день.

Роан предложил использовать учебную площадку за мастерскими, где можно было безопасно проверить переноску и раскрытие рамы.

Я принесла деревянный макет, веревку, несколько ремней и свою новую тетрадь.

Он пришел с плотными рабочими перчатками, измерительной лентой и небольшой сумкой с инструментами.

Когда я увидела его перчатки, сразу поняла, что расстояния между рукоятями действительно не хватит.

Но решила пока ничего не говорить.

Мне хотелось проверить это на деле.

— Что делаем сначала? — спросил Роан.

— Определяем, сможет ли человек раскрыть раму и удерживать ее при движении.

— Под какой нагрузкой?

— Пока без магии. Нужно проверить форму, хват и устойчивость.

Он кивнул.

— Хорошо.

Я положила макет на стол.

— Представим, что рама должна весить не больше четырех килограммов. Пластина уже установлена. Оператору нужно быстро раскрыть конструкцию, зафиксировать соединения и начать движение.

— Сколько времени есть на подготовку?

— Это еще нужно определить.

Роан посмотрел на меня.

— Тогда начнем без ограничения времени. Иначе не поймем, в чем проблема.

Мне понравилось, что он не попытался сразу превратить все в соревнование.

Я отошла на несколько шагов.

— Попробуй.

Он взял раму.

Разложил одну опору.

Потом вторую.

На третьем движении остановился.

— Здесь неудобно.

— Что именно?

— Нужно отпускать правую рукоять, чтобы добраться до фиксатора.

— Да.

— В перчатках сделать это сложнее.

Он продемонстрировал.

Большие пальцы не помещались между планками.

Я записала замечание.

— Значит, потребуется другой замок.

— Или иное расположение.

— Возможно.

Роан попробовал удержать конструкцию перед собой.

Я посмотрела со стороны.

В его руках рама казалась легкой.

Слишком легкой.

— Подожди, — сказала я.

Он остановился.

— Что?

— Ты держишь ее так, будто вес вообще не имеет значе-

ния.

— Пока его почти нет.

— Но даже когда будет четыре килограмма, для тебя это все равно окажется мелочью.

— Верно.

Я задумалась.

— Значит, мне нужен еще кто-то для проверки удобства.

Роан кивнул.

— Именно. Я могу оценить движение, устойчивость и опасные положения, но не должен быть единственным человеком, который проверяет удобство для обычного спасателя.

Это было правильное замечание.

Я записала его отдельно.

Он снова разложил раму.

— Теперь представим, что позади меня идет помощник с пострадавшим.

— Да.

— Где располагается защитная плоскость?

Я показала на верхнюю перекладину.

— Предполагаю, что здесь. Спереди и сверху. С боков она будет неполной, иначе увеличится вес и расход энергии.

— То есть использовать устройство в месте, где обломки могут прилететь сзади, нельзя.

— Нельзя.

— А если крупный камень упадет сверху?

— Тоже нельзя рассчитывать на защиту.

Он посмотрел на меня.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Что ты не обещаешь невозможного.

Я усмехнулась.

— Пока у меня даже возможного нет.

Роан снова взял раму.

— Тогда давай проверим, насколько удобно с ней двигаться.

Мы обозначили на площадке узкий проход между двумя стойками.

Я положила на небольшие салазки мешок с песком, изображавший пострадавшего.

Роан должен был держать макет перед собой, а я — двигать салазки позади него.

— Готова? — спросил он.

— Да.

Мы начали движение.

И почти сразу остановились.

Одна из боковых опор задела стойку.

— Слишком широко, — сказала я.

— Да.

— Попробуй чуть наклонить.

Он повернул голову.

— А как будет работать защита при наклоне?

Я открыла рот.

И закрыла.

Действительно.

Если накопитель и направляющие рассчитаны на определенное положение, наклон может нарушить устойчивость защитной плоскости.

— Не знаю, — призналась я. — Нужно проверить.

Роан вернул раму в исходное положение.

— Тогда пока будем считать, что наклонять нельзя.

Я записала.

Попробовали снова.

На этот раз он развернул плечи и прошел боком.

Макет едва не зацепился за стойку с другой стороны.

— Так тоже не годится, — сказала я.

— Согласен.

Мы остановились.

Я подошла ближе и стала рассматривать конструкцию.

Роан удерживал раму перед собой.

Одна его рука находилась совсем рядом с моей.

Я заметила старый шрам на запястье.

Тонкий, светлый.

Наверное, от какой-то давней травмы.

Мне захотелось спросить, откуда он взялся, но я удержалась.

Мы были здесь не для обмена личными историями.

— Если уменьшить боковые опоры, станет легче проходить, — сказала я.

— Но защита будет уже.

— Да.

— Насколько?

— Пока не знаю.

Он чуть наклонил голову.

— Ты часто говоришь это сегодня.

Я посмотрела на него.

— Предпочитаешь, чтобы я придумывала ответы?

— Нет. Просто отмечаю.

— Тогда отметь еще, что я пока не собираюсь давать окончательные обещания.

Уголок его рта дрогнул.

— Принято.

Я отвернулась, пряча улыбку.

Странным образом спорить с ним оказалось легче, чем я ожидала.

Он не принимал каждый мой ответ как окончательный.

Но и не пытался доказать, что знает конструкцию лучше меня.

Когда я говорила «не знаю», он не делал из этого вывода о моей бесполезности.

Просто задавал следующий вопрос.

Мы провели на площадке почти два часа.

К концу испытания деревянная рама приобрела весьма жалкий вид.

Одна планка треснула.

Два соединения разболтались.

Я исписала несколько страниц замечаниями.

Зато теперь точно знала, какие ошибки не стоит повторять в металлическом образце.

Роан положил макет на стол.

— Что думаешь?

Я посмотрела на него.

— Думаю, что это самая дорогая куча палок в моей жизни.

— Дерево стоило недорого.

— А мое самолюбие?

Он рассмеялся.

Негромко, но совершенно искренне.

Я впервые услышала его смех.

И почему-то на несколько секунд забыла, что собиралась сказать.

Роан заметил мое замешательство.

— Что?

— Ничего.

Я закрыла тетрадь.

— Спасибо за помощь.

— Мы еще не решили, будем ли работать вместе.

— Верно.

Я посмотрела на макет.

На записи.

На его перчатки, лежавшие возле инструментов.

— Мне понравилось, как ты проверял конструкцию, —

призналась я. — Но хочу знать, что будет, если мы не согласимся по серьезному вопросу.

— Смотря по какому.

— Например, я посчитаю устройство готовым, а ты откажешься запускать его.

— Значит, объясню причину отказа.

— А если я не соглашусь?

— Запишем разногласие и проверим расчеты. Пока опасность не исключена, испытания не будет.

Я задумалась.

— Даже если из-за этого мы пропустим срок?

— Да.

Он ответил без колебаний.

Мне это понравилось.

Не сам возможный пропуск срока.

А то, что Роан не пытался обещать удобный исход.

— А если окажется, что ты ошибся?

— Тогда исправлю запись.

Я улыбнулась.

— Хорошо.

— Это согласие?

Я посмотрела на него еще раз.

На человека, которого раньше знала только как неприятного родственника мужа.

На мужчину, который спокойно признал ограничения собственной силы и не стал делать вид, будто способен за-

менить любого спасателя.

На испытателя, который заметил недостатки моего макета, но ни разу не предложил забрать чертеж и все переделать самостоятельно.

— Да, — сказала я. — Попробуем работать вместе.

Роан протянул руку.

Я пожала ее.

Ладонь у него была теплая, твердая, с шероховатой кожей.

Рукопожатие получилось коротким.

Совершенно обычным.

И все-таки после него мне пришлось напомнить себе, что я только что заключила рабочую договоренность.

Не более того.

***

Составить соглашение оказалось сложнее, чем проверить деревянный макет.

Мы сидели в небольшой комнате при испытательной мастерской, которую Брен разрешил использовать для оформления проектов.

На столе лежали чистые бланки.

Я уже вписала название работы и свои данные.

Роан внимательно читал раздел об использовании результатов.

— Здесь нужно уточнить права на программу испытаний, — сказал он.

— В каком смысле?

— Конструкция принадлежит тебе. Но результаты проверок будут нужны мне для гражданской аттестации.

— Разумеется.

— Тогда это нужно написать.

Я взяла перо.

— Хорошо.

— И отдельно указать, что каждый может использовать согласованные результаты в своих квалификационных документах.

Я добавила пункт.

В этом он был прав.

Мне самой не хотелось повторять прежнюю ошибку, когда важные договоренности существовали только на словах.

— Теперь расходы, — сказала я.

Роан посмотрел на список.

— Основные материалы для рамы ты закупаешь сама?

— Да. Это моя конструкция.

— А полевые поездки, снаряжение и мои расходники оплачу я.

— Общие испытательные материалы делим по предварительной смете.

— Согласен.

Я подсчитала примерную стоимость.

Пока у меня оставалось достаточно денег, но дорогих экспериментов позволить себе было нельзя.

Одна заранее заряженная пластина стоила два серебряни-

ка. Для будущих испытаний требовалось несколько.

Я внесла расходы в отдельную строку.

Роан посмотрел на мои расчеты.

— Не стоит покупать накопители, пока рама не готова к безопасному запуску.

— Знаю.

— Тогда почему записала их сейчас?

— Чтобы потом не обнаружить, что потратила все деньги на красивые крепления.

Он кивнул.

— Разумно.

Я подняла глаза.

— Ты часто говоришь это слово?

— Какое?

— Разумно.

Роан задумался.

— Не замечал.

— У тебя с Эдвином семейная привычка.

Выражение его лица изменилось.

Совсем немного.

Но я заметила.

— Возможно, — ответил он.

Мне стало неловко.

Я не собиралась сравнивать их при каждом удобном случае.

И все же фамилия Крейн постоянно напоминала о преж-

ней жизни.

— Извини, — сказала я.

Роан посмотрел на меня.

— За что?

— За сравнение.

Он помолчал.

— Не обязательно извиняться за то, что заметила сходство.

Я усмехнулась.

— Хорошо.

Мы вернулись к документам.

Я настояла, чтобы право распоряжаться конструкцией и будущей лицензией было указано отдельно.

Роан не возражал.

— Это твоя разработка, — сказал он. — Я занимаюсь испытаниями.

— Твой вклад тоже должен быть отражен.

— Конечно. В программе проверок и итоговом отчете.

Я записала.

Следующим пунктом стали условия прекращения партнерства.

Мне неприятно было обсуждать их.

Но после развода я слишком хорошо понимала, насколько опасно надеяться, что любые отношения обязательно останутся хорошими.

— Если кто-то решит прекратить работу, — начала я,

— результаты уже проведенных испытаний сохраняются за обоими в пределах соглашения. Оборудование возвращается владельцу. Документы передаются в копиях.

— И никаких удержаний журнала, — добавил Роан.

— Именно.

— А если один из нас считает испытание опасным?

— Оно останавливается до повторной проверки.

Он кивнул.

— Запишем обязательно.

Мы долго обсуждали порядок уведомления о выходе из проекта.

Я хотела предусмотреть разумный срок, чтобы успеть найти другого оператора.

Роан заметил, что при серьезной неисправности нельзя требовать продолжать испытание ради соблюдения уведомления.

Пришлось разделить прекращение сотрудничества и остановку опасной работы.

В конце концов получилось несколько страниц.

Я перечитала их.

— Кажется, теперь все.

— Почти, — сказал Роан.

— Что еще?

Он указал на раздел об испытательных данных.

— Нужно определить, где будут храниться копии.

— В академической канцелярии и у каждого из нас.

— Согласен.

Я дописала последнюю строку.

Затем мы поставили подписи.

Сабина Оррел.

Роан Крейн.

Я некоторое время смотрела на них.

Две фамилии рядом.

Одна из которых совсем недавно была моей.

Роан заметил мой взгляд, но ничего не сказал.

Мы передали документы служащему для регистрации.

Тот проверил бланки и поставил печать на двух экземплярах.

— Участники уведомлены о правилах партнерства? — спросил он.

— Да, — ответила я.

— Права на конструкцию указаны отдельно?

— Да.

— Порядок прекращения работы?

— Тоже.

Служащий посмотрел на нас с облегчением.

— Прекрасно. Обычно люди вспоминают об этом уже после того, как начинают спорить.

Я забрала свой экземпляр.

Роан — свой.

— Когда начнем? — спросил он, когда мы вышли в коридор.

— Завтра утром. Мне нужно получить материалы.

— Хорошо.

— И у меня будет подработка.

Он посмотрел на меня.

— В академической мастерской?

— Да.

— Тогда согласуем время, чтобы не мешать ей.

Я удивилась.

— Ты не против?

— Почему я должен быть против?

Вопрос был настолько естественным, что мне вдруг стало неловко за собственное удивление.

— Просто уточняю.

Роан посмотрел на меня еще несколько секунд.

Потом спокойно сказал:

— Сабина, я не собираюсь распоряжаться твоим расписанием. Мне нужно знать, когда мы можем работать вместе. Остальное твое дело.

Я кивнула.

Наверное, это было совершенно обычное отношение к взрослому человеку.

Но после одиннадцати лет, когда любой мой план неизбежно приходилось согласовывать с заказами Эдвина, оно казалось почти непривычным.

***

Подработка началась на следующий день.

Я пришла в вспомогательную мастерскую раньше назначенного времени.

Там пахло нагретым металлом, древесной стружкой и клеем.

На длинных столах лежали детали учебного оборудования. В углу стояла тележка с неисправными защитными рамами.

Мастер, отвечавший за подработку слушателей, выдал мне список.

— Сегодня проверка креплений. Вот эти узлы нужно разобрать, очистить и собрать заново. Если обнаружите повреждение, не исправляйте наугад, а отмечайте в журнале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.